НАЙТИ ГУРУ

Он - тот, кто никогда не показывает свое лицо, но весь мир - всего лишь часть его игры...

Тори Райз

18+

Тори Райз
Найти Гуру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67162385
SelfPub; 2022

Аннотация

Став случайным свидетелем разговора между своим могущественным дедом и неким Гуру, юный Майкл Морсон узнает о существовании Игры для нескольких сотен миллионеров со всего мира. Правила просты: Гуру помогает участникам разбогатеть, позволяет наслаждаться роскошью, им также разрешено убивать, чтобы поразить своего Покровителя, но каждому отведен срок, по истечению которого Гуру определяет какой будет их смерть. Майкл решает, во что бы то ни стало, войти в Игру и возглавить её, но для начала ему предстоит найти Гуру.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 50
Глава 3 83
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Тори Райз
Найти Гуру

Глава 1

2006 год, Нью-Йорк

– Итак, Майкл, я бы хотел, чтобы вы вернулись к своим детским воспоминаниям. Какие отношения у вас были с вашей матерью? Я имею в виду вашу биологическую мать.

Мужчина, которому были адресованы эти слова, заметно напрягся, явно не ожидая такого вопроса. Весь его облик говорил о том, что он привык контролировать ситуацию вокруг себя. Хотя в данный момент ему пришлось признать тот факт, что управлять другими людьми совсем не то же, что взять под контроль личные эмоции и воспоминания. Собственно это и привело Майкла Морсона в кабинет одного из самых авторитетных психоаналитиков Нью-Йорка – Билла Хьюза. Так что после недолгих размышлений, он ответил на заданный вопрос:

– Я мало, что помню о ней. Все мои воспоминания основаны на каких-то далеких ощущениях тепла её тела, объятий, запаха волос и улыбки, с которой она иногда смотрела на меня. А в остальном, я знаю о ней только то, что мне рассказывала Кейтлин – моя приемная мать.

Психоаналитик внимательно смотрел на своего собеседника. Это была уже третья их встреча, но ему никак не удавалось понять, действительно ли Майкл доверяет ему как профессионалу. Хьюза не покидало ощущение двойного дна в этом человеке. Однако, решив не тратить время на свои внутренние сомнения, он перешел к следующему вопросу:

– Может, вы помните какие-то детали? Что с вами было с того момента, как умерла ваша мама и до того, как Кейтлин усыновила вас?

Майкл откинулся в кресле, на несколько секунд погрузившись в воспоминания, и продолжил свой рассказ:

– Она умерла, когда мне было пять лет. Официальная версия смерти – передозировка наркотиками. Думаю, так и было на самом деле. Мы тогда жили в Санта-Круз, в большом особняке, принадлежавшем моему деду, до того как он переехал в Нью-Йорк. Дом всегда был заполнен какими-то весьма сомнительными людьми, каждый день устраивались вечеринки, коктейли у бассейна, всё время играла музыка.

По утрам я просыпался, бежал на кухню и чаще всего завтракал среди горы грязной посуды, коробок от китайской еды, пиццы, и прочего мусора, которым после каждой вечеринки был завален весь первый этаж. На кухне и в гостиной часто лежали или сидели абсолютно посторонние люди, страдающие от утреннего похмелья или всё еще пребывающие под действием наркотиков. Порой они даже не могли внятно разговаривать и соображать, где именно находятся.

После завтрака я шел к бассейну, потому что только утром он был в моем распоряжении. К обеду, как правило, уезжали все, кто был на вечеринке прошлой ночью, а уже к четырем часам дня прибывала новая партия беззаботной молодежи, прожигающей деньги своих богатеньких родителей или ошивающейся около них публики. И всё повторялось изо дня в день. Хотя моей матери не было до меня особого дела, она запрещала мне плавать в бассейне, когда рядом нет взрослых, поэтому я просто сидел на краю и болтал ногами в воде. Затем шел в сад и играл там, в основном в полном одиночестве.

Вряд ли можно было запомнить всех, кто наведывался в наш дом в любое время суток. Иногда я заходил в туалет, когда думал, что там никого нет, и заставал там людей, нюхающих кокаин. Я никогда не видел, чтобы Лора – моя мама, принимала наркотики. Но думаю только потому, что она по-своему старалась оградить меня от этой части своей жизни.

Билл Хьюз был рад, что ему удалось хоть немного уменьшить стену, которую его пациент так старательно возводил вокруг себя. Однако вероятнее всего в глубине души Майкл хотел перебраться по ту сторону этой воображаемой им защитной стены. Об этом свидетельствовал тот факт, что этот молодой мужчина, с большим количеством вопросов к самому себе и своему прошлому, сидел в кабинете психоаналитика. И, стараясь усилить их едва наладившийся контакт, Билл продолжил:

– Почему после смерти мамы вы не остались с дедушкой? Насколько я понимаю, он мог заботиться о вас.

Майкл слегка пожал плечами, давая понять, что этот вопрос и у него вызывает недоумение:

– В тот момент мой дед уже окончательно потерял надежду привести Лору в чувство. Она развлекалась за его счет и не собиралась ничем серьезным заниматься: ни работать, ни учиться, ни становиться заботливой матерью. Незадолго до её смерти он пригрозил, что перестанет финансировать её сытую, беззаботную жизнь. Я слышал, как они ругались в гостиной. Она была пьяна и не могла связать и двух слов. Отчаявшись, дед в сердцах хлопнул дверью и уехал. В следующий раз я увидел его уже на похоронах.

После её смерти встал вопрос о том, где и с кем я буду жить. В виду образа жизни Лоры, узнать, кто мой отец не представлялось возможным, а дед был слишком занят своей финансовой империей, чтобы уделять мне время. Поэтому Кейтлин – его личная помощница, формально меня усыновила. Она перебралась из Нью-Йорка в наш дом в Калифорнии и занялась моим воспитанием: помогала мне со школьными проектами, водила меня на выставки, в цирк, на карусели и городские ярмарки. На День Благодарения она пекла тыквенный пирог, по выходным шоколадное печенье, а когда хотела меня подбодрить перед чем-то особенно важным, я всегда получал свои любимые маршмэллоу. Благодаря Кейтлин у меня появились друзья, она учила меня строить отно-

шения со сверстниками. Изредка я виделся с дедом, когда у него было несколько свободных часов на общение с внуком.

Во всяком случае, так было до 13 лет, когда я нашел тело Кейтлин в нашем доме. После чего, дед забрал меня к себе в Нью-Йорк.

– А какие у вас были отношения с дедом?

Майкл посмотрел на часы. В его распоряжении оставалось еще пятнадцать минут оплаченного времени, но он посчитал, что на сегодня достаточно. Он и так приоткрыл слишком тяжелую завесу, которая отделяла тринадцатилетнего Майкла Морсона от того мужчины, которым он был сейчас. Договорившись о следующей встрече через неделю, Майкл попрощался и направился к лифту.

Психоаналитик остался сидеть в своём кабинете, вся обстановка которого свидетельствовала о благополучии его владельца. Счета за визиты к нему были весьма внушительными, однако, полностью оправданными. Его профессионализм и репутация стоили того. Поэтому Билла Хьюза окружали дорогая дизайнерская мебель и аксессуары авторской работы, которые помогали создать специальное психологическое пространство, в котором пациенты могли чувствовать себя в безопасности.

Впрочем, как у всякого психоаналитика на Манхеттене, у Билла Хьюза было достаточно и своих внутренних страхов и проблем. В этом кабинете и примыкающей к нему комнате с садом он находил успокоение и приводил мысли в порядок.

Но сегодня ему это никак не удавалось.

Он снова и снова пересматривал свои записи о только что ушедшем пациенте. Казалось, в его воспоминаниях о детстве не было ничего, что могло бы насторожить профессионала, привыкшего иметь дело с детскими травмами, вызванными насилием со стороны родителей, унижениями, инцестами и воспоминаниями о преступлениях. Чего он только не слышал за свою жизнь. Порой следы, оставленные прошлым в подсознании некоторых его пациентов, были достойны романа. Однако большая часть из них были параноиками, кто-то замыкался в себе, но были и такие, кто балансировал на грани между яростью и решимостью свершения ответных действий, способных залечить или заглушить нанесенные прошлым раны.

И в каждом случае это были живые люди с их мыслями и чувствами, бурными всплесками эмоций, желанием облегчения и стремлением понять, почему именно они были выбраны для этих испытаний. У каждого была причина, по которой они оказались в его кабинете. Каждый хотел избавиться от тяжести этого душевного груза, научиться контролировать свою внутреннюю сущность и жить дальше, чувствуя себя пусть не абсолютно, но счастливым.

Но у Майкла Морсона не было лишних эмоций, не было желания осознания и принятия. Это был отполированный до блеска рассказ, который он уже не раз репетировал. Словно актер, он каждый вечер выходил на сцену и отыгрывал свою

роль снова и снова, и полностью контролировал не только каждое сказанное слово, но и каждую свою эмоцию. Только вместо аплодисментов Майкл оплачивал счета за каждый свой выход и получал одному ему понятную награду. Эти размышления беспокоили Хьюза. Тем не менее, он всё же решил не делать поспешных выводов и дождаться их следующей встречи.

Июнь, 2006. Нью-Йорк

Майкл Морсон проснулся под утро в своей квартире в Верхнем Ист-Сайде. За окном забрезжил рассвет. Солнечные лучи пробивались сквозь плотно задернутые шторы и словно прибой подбирались всё ближе к его кровати. Он перевел взгляд на столик, стоявший чуть поодаль. Часы показывали пять утра. Не смотря на свою внутреннюю организованность и собранность, ему было тяжело вставать по утрам. Поэтому, чтобы не было соблазна сквозь сон отключить будильник, Майкл, никогда не заводил часы рядом с кроватью. Он нашел оптимальное для себя решение. У входа в ванную он установил цифровую панель, в которой были встроены электронные часы. Таким образом, чтобы отключить пронзительный сигнал будильника, ему нужно было встать и дойти до двери ванной, после чего логичнее было сразу пройти в душ, чем возвращаться в постель.

Впрочем, проблема была вовсе не в том, что ему было тяжело просыпаться. Его мучила бессонница и прежде чем за-

снуть, он по нескольку часов ворочался с бока на бок. Мысли в его голове словно водопад лились нескончаемым потоком. Если же ему и удавалось провалиться в зыбкий и чуткий сон, ему являлись видения, которых он бы предпочел если не видеть, то хотя бы не помнить на утро. Но он помнил.

Иногда в его снах менялись детали, люди, времена года, но конец был один и тот же. Ему тринадцать лет. Он выходит из желтого школьного автобуса и идёт к огромным кованым воротам особняка, в котором он жил с самого рождения: сначала со своей родной матерью – Лорой, а после её смерти с Кейтлин. К дому ведёт длинная дорожка, засыпанная гравием, по бокам растут кремово-белые розы, которые они посадили в память о Лоре. Семь лет назад, в день смерти его матери, они с Кейтлин посадили эти цветы в их огромном парке. Для Майкла это стало очень важным событием. Кейтлин как будто протянула тонкую ниточку, которая позволила ему сохранить в своей душе память о маме, которая всё же любила его, правда не так сильно, как кокаин и свою свободную от каких-либо обязательств жизнь.

Но сегодня, переступив за ворота, каждый шаг по дорожке к дому, будто сопровождался уколами шипов тех самых, с любовью высаженных роз. Некоторые лепестки уже осыпались, и в воздухе витал сладкий аромат согретых теплым калифорнийским солнцем цветов.

Майкл опустился на дорожку и снял со спины рюкзак. Затем достал книги и аккуратно положил их под один из цве-

точных кустов. И вдруг лихорадочно стал сгребать гравий с дорожки и ссыпать его в свой школьный рюкзак. Многие камни прочно заняли своё место в земле и не хотели его покидать. Ему пришлось прикладывать усилия, чтобы вытащить их. Несколько камней с острыми краями впились ему под ногти и расцарапали тонкую кожу на пальцах. Но это только придало ему сил, и он стал работать еще быстрее.

Когда он посчитал, что этого достаточно, то снова надел рюкзак на плечи и, наконец, успокоился. Тяжесть камней за спиной не позволяла ему идти быстро, но теперь он хотя бы понимал, почему каждый шаг к родному дому давался так, словно это был путь на Голгофу.

Поднявшись по ступеням, он остановился перед тяжелой входной дверью с медной ручкой, в виде головы грифона. Этот двухэтажный особняк когда-то принадлежал его деду. Изначально дом, построенный в Георгианском Колониальном стиле, представлял собой двухэтажное симметричное строение белого цвета с колоннами перед входом. Со временем Фрэнк Морсон перестроил дом, превратив его в респектабельную виллу в Неоколониальном стиле. Теперь фасад дом был оформлен натуральным камнем, холл и зал перенесли в центр здания, а все спальни располагались на втором этаже, куда вела роскошная мраморная лестница. Фрэнк также заменил входную филенчатую дверь со стеклом на тяжелую металлическую дверь зеленого оттенка под цвет черепицы.

Когда Фрэнк переехал в Нью-Йорк, здесь осталась жить его дочь Лора. И после многочисленных вечеринок дом несколько утратил свой внешний и внутренний лоск. Сейчас он уже требовал ремонта, в некоторых местах фасад облупился и отвалился, фундамент стал разрушаться. Особняк был слишком большим, его содержание требовало не только средств, но и огромных усилий. Хотя после того, как здесь появилась Кейтлин, внутри стало уютнее.

Безопасность дома была для нее на первом месте, поэтому первым делом она заложила кирпичом второй вход с заднего двора, а парадную дверь всегда закрывала на замок. Майкл полностью разделял ее стремление к закрытым дверям. После жизни с Лорой, когда в доме то и дело были незваные гости, жизнь с Кейтлин стала спокойной, размеренной и защищенной.

Однако сейчас дверь была слегка приоткрыта, и это насторожило его. Возле ворот не было ни одной машины, а Бетти и Пит – супружеская пара, которая ухаживала за их домом и садом, уже неделю как уехали навестить своих детей в Колорадо. Так что Майкл точно знал, что дверь должна быть закрыта, но внутри Кейтлин уже ждёт его с обедом и потом поможет ему со школьным проектом. И вот сегодня обычный порядок вещей был нарушен.

Рюкзак с камнями за спиной уже стал непосильной ношей, и Майклу ничего не оставалось, как толкнуть входную дверь и войти в дом. В тот момент, когда дверь распахнулась,

и он увидел гостиную, его спина уже невыносимо ныла. Он начал снимать рюкзак, его руки дрогнули и, тяжелая сумка рухнула на мраморный пол. Ткань треснула и камни с грохотом покатились по полу.

Майкл, наконец, очнулся от звука падающих камней и в это мгновение осознал, что зеленая ковровая дорожка, которой Лора когда-то покрыла лестницу на второй этаж, чтобы маленький Майкл не поскользнулся и не упал, теперь была в кроваво-красных пятнах.

Мальчик поставил ногу на первую ступень, и она погрузилась в кровавую жижу. Слегка отпрянув, он убрал ногу со ступеньки и переместил её на пол. В пропитанном кровью ковре остался след его ноги. Ему захотелось убежать, но что-то внутри толкало его вверх. С трудом переставляя ноги по ступенькам, Майкл стал подниматься на второй этаж, и каждый шаг сопровождался мерзким хлюпаньем ног, утопающих в пропитанном кровью ковре. Дверь в комнату Кейтлин тоже была приоткрытой. Майкл вошел в комнату и его крик, полный ужаса, разнесся по пустому дому.

Когда он очнулся, в доме уже была полиция. Рядом с ним был доктор, который и привел его в чувство. Полицейские рассказали, что от увиденного в комнате его приемной матери, он впал в состояние шока, вероятно, стал бесцельно метаться по дому, так как везде остались его кровавые следы, затем нашел в себе силы набрать номер службы спасения, и потерял сознание.

Оказалось, что память полностью заблокировала его воспоминания о случившемся, и он помнит только, как вошел в ворота, набил камнями рюкзак и поднялся на второй этаж. Адвокат настоял на том, чтобы ему не показывали никаких фотографий и с тех пор Майкла старались всячески оградить от всего, что было связано с событиями того дня. Дед забрал его в Нью-Йорк, и тема смерти Кейтлин старательно обходилась стороной.

Майклу часто снился этот сон, но он, ни разу не смог вспомнить, что именно видел в комнате своей приемной матери. Повзрослев он прочитал множество книг, в которых встречались описания сцен убийств. Кадры новостей и полицейской хроники также не обходили стороной его сознание. Всё это и, конечно же, несметное количество фильмов прочно засели в его воображении и каких только картин оно ему не рисовало. Но всё это было лишь плодом его фантазии. Реальность всё так же была скрыта в глубинах его памяти.

В какой-то момент он стал просто одержим идеей – собрать воспоминания в общую картину. Собирал по крупицам обрывочные всплески сознания, прислушивался к голосам внутри себя, стараясь отделить то, что принадлежало только ему от того, что было подслушано и подсмотрено в мире, окружавшем его каждый день, но этот пазл всё никак не складывался.

***

Майкл Джеймс Морсон – наследник миллиардной империи своего деда Фрэнка Морсона со стороны казался мажором. Однако в кругах, которым он был близок, знали, что его семью определенно преследуют несчастья. Сначала его мать умерла от передозировки наркотиками, затем его приемная мать стала жертвой маньяка. После этой череды печальных событий несколько спокойных лет он провел со своим дедом в Нью-Йорке.

Фрэнк Морсон основную часть времени проводил в своем офисе в деловой части Манхэттена, так что Майкл был предоставлен заботам домоправительницы и личного водителя. В отличие от своей родной матери Лоры, Майкл не стремился прожигать жизнь на деньги Морсона-старшего. Скорее наоборот, его потребности были скромными и развлечения его мало интересовали.

Всеми силами он старался заслужить доверие и уважение своего могущественного родственника и при каждом удобном случае проявлял интерес к его делам в бизнесе. Вскоре, Фрэнк Морсон проникся симпатией к своему внуку. И если раньше он рассматривал его сквозь призму своих отношений с дочерью, которая ни к чему жизни не стремилась, то, с годами Фрэнк осознал, что Майкл вероятно может стать достойным наследником его миллиардного состояния.

Спустя четыре года после убийства Кейтлин, Майкл превратился из нервозного тринадцатилетнего подростка, в серьезного юношу – потенциального преемника корпорации

Morson Global. За эти годы его отношения с дедом стали в некоторой степени доверительными, и Майкл наконец-то почувствовал себя в безопасности. Хотя его по-прежнему не покидали бессонница и ночные кошмары о смерти Кейтлин, к которым прибавился страх от осознания того, что Фрэнка когда-нибудь тоже не станет, и он снова останется один. И всё же Майкл верил, что, унаследовав такое состояние, по крайней мере, сможет обеспечить себе физическую безопасность.

Фрэнк Морсон в какой-то мере понимал беспокойство своего внука. Но ему не нравилось вести разговоры на эту тему, так как он не признавал проявлений душевной слабости. Тем не менее, осознавая, какую травму пережил его внук, он отправил его к психоаналитику.

Через пару лет регулярных сеансов Майкл смог дойти в своих воспоминаниях до того момента, как вышел из школьного автобуса в день убийства Кейтлин. Дальше он просто не готов был двигаться. Но даже такой, пусть и медленный прогресс в его памяти, приносил ему некоторое облегчение, и ночные кошмары стали посещать его реже. И всё же, его желание вспомнить Кейтлин в тот последний день её жизни усиливалось с каждым днём. Правда, Майкл никак не мог понять как это возможно при помощи одних только разговоров. Узнать ответ на свой вопрос ему не удалось.

Накануне своего восемнадцатилетия он снова остался один. На этот раз жизнь несколько смягчила удар. Его дед

совершал полет на своем личном самолете и спустя полтора часа после вылета из Нью-Йорка, пролетая сквозь облака в горах Аппалачи, самолет врезался в горную вершину Блу-Ридж-Скарп, входящую в состав массива Блу-Ридж. Попав в густой горный туман, экипаж потерял управление из-за низкой видимости, и после столкновения со скалой, самолет рухнул в узкое непроходимое горное ущелье.

Майкл лично принимал участие в поисках, но всё, что удалось сделать – обнаружить место крушения самолета. Оно оказалось настолько труднодоступным, что туда невозможно было попасть ни с земли, ни с воздуха. Так что в этот раз Майклу осталось только лицезреть заваленные камнями обломки того, что когда-то было прекрасным воздушным судном бизнес-класса стоимостью в тринадцать миллионов долларов. Впрочем, никакие миллионы не смогли бы застраховать жизнь его последнего родственника и защитить его от подобной катастрофы.

И всё же для Майкла это был практически подарок, поскольку в глубине души можно было оставить маленький уголок для надежды на то, что Френка Морсона могло и не быть в этом самолете и однажды он снова вернется в его жизнь. И тут снова пришли на помощь сюжеты новостей и фильмов. Ведь не смотря на довольно несчастливую историю их семьи, Морсон-старший уже воскресал из мертвых и возвращался домой. Правда реальных оснований полагать, что его дед когда-нибудь вернется, у Майкла не было.

Следующие несколько лет он провел практически без сна. На его плечи рухнула огромная махина под названием Morson Global, дела в которой вот уже несколько лет шли не лучшим образом. И хотя формально он не являлся полноправным управляющим до достижения совершеннолетия, Майкл полностью погрузился в процесс управления этим нелегким бизнесом. К тому же, он отчетливо понимал, что ему необходимо получить соответствующее образование, иначе он всё время будет зависеть от знаний и опыта посторонних людей. Эти люди не всегда будут ему преданы, и обязательно наступит такой момент, когда они захотят продать себя дороже, чем он им платит.

В первый же год управления Morson Global его подозрения оправдались. Несколько продажных финансовых аналитиков и брокеров, которых он нанял, стремясь к обновлению компании, чуть было не поставили под удар весь его бизнес. Из-за их действий на бирже акции Morson Global резко упали в цене. Конкуренты набросились на них словно коршуны, еще несколько неверных действий могли привести к полному краху, до которого оставались дни. В тот момент Майкл, не обладая даже поверхностными знаниями в области финансов, впервые обнаружил у себя способности прогнозировать ситуацию на финансовом рынке. В конце концов, ему пришлось взять под контроль не только финансовые, но и юридические вопросы.

Чтобы научиться вести дела, унаследованной им корпора-

ции, Майкл поступил на факультет бизнеса и управления в Колумбийский Университет и с упорством посещал все занятия, лекции и семинары, прочитал сотни книг о бизнесе и финансах. Он был лучшим на курсе, с отличием закончил обучение, получив сначала степень бакалавра, а затем и магистра бизнес администрирования. Через пару лет ему удалось вывести Morson Global на новый виток и состояние, доставшееся ему после гибели деда, не только не уменьшилось, ему удалось преумножить его.

Июнь, 2006. Нью-Йорк

Майкл сидел в своем кабинете на 60-м этаже Амэрикен Интернейшенл Билдинг. Этот небоскреб высотой в 290 метров, расположенный в Нижнем Манхеттене стал для основателя Morson Global архитектурным отражением его внутреннего состояния. Здание, было построено во время гонки небоскребов для нефтегазового барона Г.Л.Догерти, что явилось решающим для его деда при выборе офиса в Нью-Йорке. Догерти был для него своего рода кумиром, человеком, создавшим себя из ничего и благодаря своему таланту в бизнесе, вошедшему в историю нефтегазовой отрасли.

И хотя на сегодняшний день все здание принадлежало самой крупной американской страховой компании, Морсон-старший выкупил весь 60-ый этаж еще в начале 60-х годов прошлого века. Тогда этот небоскреб еще назывался Ситис Сервис Билдинг и принадлежал непосредственно

нефтегазовой компании самого Догерти. Поначалу Morson Global арендовала лишь часть этажа, но когда Фрэнк Морсон стал расширять сферы влияния в бизнесе и компания начала стремительный рост, ему удалось выкупить весь этаж. Не смотря на то, что цена была не просто высокой, а заоблачной, это приобретение было на редкость выгодным.

Когда в 1976 году Ситис Сервис перевела свою штаб-квартиру из Нью-Йорка в Оклахому, и владельцем здания стала страховая компания, которая была готова выкупить здание целиком, Морсон-старший получил предложение, значительно превышающее его первоначальные вложения. Но он никогда не собирался продавать этот один из многих объектов недвижимости, входящих в активы его империи. Пожалуй на Манхеттене не нашлось бы ни одного риэлтора, который не знал об этом нежелании его деда расставаться с этим офисом, однако же, предложения о покупке поступали регулярно. Не менее регулярно Фрэнк Морсон отвечал отказом.

Что же касается Майкла, то это здание на Пайн-стрит со шпилем в неоготическом стиле, уходящим высоко в небо и обсерваторией на 66-м этаже, было его архитектурным отражением. Таким он видел себя: четкие жизненные ориентиры, устремленные высоко вверх и способность возвышаться среди других. И, как и это здание, то возглавлявшее список самых высоких зданий Америки, то сдававшее свои позиции, чтобы отвоевать через несколько лет место в первой десят-

ке снова, Майкл Морсон так же то взлетал во всевозможных списках и рейтингах, то уступал свои позиции. Но одно было несомненно – он всегда был заметной фигурой в мире бизнеса, не менее заметной чем Амэрикен Интернейшенл Билдинг среди небоскребов.

Окна его кабинета выходили на юго-восток, откуда открывался потрясающий вид на Лонг-Айленд, отделяемый от Манхеттена проливом Ист-Ривер. Каждый день он смотрел на этот город с высоты птичьего полета и не переставал удивляться тому, как причудливо сложилась его жизнь.

Сегодня ему исполнилось двадцать восемь лет. Из них десять лет он весьма успешно руководил Morson Global. Его нельзя было назвать красивым, скорее он обладал харизмой сильного, уверенного в себе лидера и человека способного добиваться поставленных целей, не смотря на все трудности, которые ему приходилось преодолевать с детства. Всё это, конечно же, было приправлено магнетизмом его многомиллионного состояния.

Впрочем, по глубокому убеждению самого Майкла, в это заполненное брендами, лейблами, и всевозможной рекламой время, достаточно лишь следовать адекватным веяниям индустрии моды и красоты, для того, чтобы не только выглядеть, но и чувствовать себя уверенно и дорого посреди этого острова. И Майкл следовал.

В его штате не было огромного количества персональных ассистентов, стилиста или персонального модного советни-

ка. У него была всего одна помощница, но в её записной книжке было множество полезных телефонов. Его прекрасно составленное расписание включало несколько часов в месяц для стрижки, маникюра, различных процедур, поддерживающих здоровье и внешний вид кожи, а также встреча с парой консультантов из нью-йоркских магазинов одежды, которые просто привозили в его офис все необходимые предметы гардероба. Критерия цены для Майкла не существовало. Его волновало удобство одежды намного больше, чем тот факт, насколько престижной являлась как сама марка одежды, так и её дизайнеры. Его деловой гардероб был представлен в основном одеждой лишь двух брендов: Gucci и Prada. Что же касается повседневной одежды, одежды для занятий спортом и отдыха, то здесь Майкл отдавал предпочтение популярной американской марке A&F и оставался ей верен уже десять лет.

Единственной проблемой в гардеробе для него была обувь. Её нельзя было подобрать с первого раза. Даже если во время примерки казалось, что все удобно и полностью подходит по размеру, то после недельной носки любая пара обуви превращалась в орудие пыток. Со спортивной обувью все обстояло не так плохо, и здесь выбор Майкла был не ограничен. Ему подходили практические любые модели и материалы, но вот с обувью в деловом стиле все было иначе.

За несколько лет он скупил практически всю обувь, какую только можно было найти в городе. Какие-то пары стоили

несколько сотен долларов, какие-то – несколько тысяч. В общей сложности он потратил несколько десятков тысяч долларов на обувь, которую был просто не в состоянии носить, пока однажды в Лондоне на Regent Street он не набрел на магазин Barker. Ему понравился стиль этой сделанной вручную обуви, которая по праву является одной из лучших обувных марок Англии.

Майкл так и не понял, что такого особенного было в этой обуви: то ли использование традиционных английских методов, таких как медленное естественное высыхание кожи и придание ей формы вручную; то ли многолетняя история создания этой обуви; то ли специфическая английская атмосфера, но впервые за долгие годы он с удовольствием носил обувь, а не ставил очередную пару на полку в своем шкафу.

Так что к двадцати восьми годам его образ, так же как и гардероб были полностью сформированы. Сегодня утром, одеваясь для очередного дня в офисе, он выбрал бледно-розовую рубашку, темно-серый костюм, светло-голубой галстук без рисунка и темно-серые замшевые туфли, на деревянной тонкой подошве, с вставками из кожи на несколько тонов темнее, чем основной цвет обуви. Внимательно оглядев себя в зеркале, Майкл остался доволен своим внешним видом. Сочетание серого и розового выгодно подчеркивали смуглый цвет его кожи и всё то мексиканское в его внешности, что привнесла в семью Морсонов его прапрабабушка Алисандра.

Она была родом из Мексики, довольно низкого роста и обладала весьма заурядной внешностью, однако же, ей удалось заполучить в мужья одного из самых красивых мужчин калифорнийского побережья – Альфреда Ирвина Морсона. Он был невероятно притягательным блондином с голубыми глазами, аристократическим длинным носом, квадратным волевым подбородком и чувственными губами. Альфред отличался довольно высоким ростом, хорошей фигурой, отличным чувством вкуса и стиля. И стоило ему только появиться в компании женщин, как все взгляды были устремлены в его сторону.

Тем не менее, он вовсе не пользовался ни своей привлекательностью, ни деньгами семьи Морсон ради расположения женщин. С шестнадцати лет его сердце принадлежало юной мексиканке Алисандре Хорхе Маринаре, которая была дочерью их садовника. Шансов на брак у них не было. Долгое время они скрывали свой роман и вероятнее всего их отношения были обречены. Альфред был единственным сыном, а Морсоны жаждали продолжения своей династии и настаивали на том, чтобы он как можно скорее женился на девушке из хорошей семьи. Увольнение старого садовника и его дочери было уже делом нескольких месяцев, но внезапная смерть родителей от лихорадки сделала возможным этот неравный брак, который продлился всю их жизнь.

Мексиканские гены в роду Морсонов удивительным образом распространились только на мужчин этой семьи. Все

они обладали смуглой кожей, темными глазами, были черноволосыми, и весьма высокого роста. Женщины семьи Морсон напротив были невысокими, светловолосыми, с голубыми глазами и слегка смуглой кожей. При этом женщины были такими же красивыми как Альфред Ирвин Морсон, тогда как мужчины были скорее породистыми и мужественными.

Кроме притягательного цвета кожи, от прапрабабушки Майклу достались: карие глаза, обрамленные густыми ресницами, от чего его взгляд казался пристальным и пронзительным; высокие скулы, длинный нос с легкой горбинкой и темные прямые волосы, что существенно облегчало выбор стрижки. Не смотря на свой плотный график и постоянную занятость, он находил время на то, чтобы поддерживать тело в хорошей спортивной форме и даже время от времени играл в теннис.

За последние годы в его окружении появилось множество людей: друзья, хотя скорее приятели, деловые партнеры, огромное количество женщин, но вот никаких особенных планов в свой день рождения у него не было. Никто не готовил ему вечеринок-сюрпризов или романтических ужинов, не предлагал других не менее соблазнительных способов отпраздновать его двадцать восьмой день рождения. И вовсе не потому, что он был одинок или же не любил этого. Конечно же, если бы он только захотел, то мог позволить себе всё, что только можно пожелать. Но он никогда не пробовал отмечать свой день рождения с размахом и не хотел

ничего менять в своих привычках. Вот уже много лет его дни рождения традиционно проходили в компании его психоаналитиков.

Его самый первый психоаналитик помог осознать и принять тот факт, что окружающие его люди не всегда будут рядом. Так Майкл смог примириться с уходом близких ему людей, и по этой же причине стал менять женщин и аналитиков быстрее, чем начинал испытывать к ним привязанность.

Вот и сегодня в его расписании не было никаких дел, кроме встречи с Биллом Хьюзом. Прежде чем выбрать очередного специалиста в этой области, он внимательно изучал их досье. Его интересовало: как они выглядят, где живут, чем интересуются, где учились и прочие, казалось бы, обычные подробности их жизни. У Майкла были свои критерии отбора. Ему важно было найти в кандидате что-то общее с ним самим. Он не любил неожиданностей и старался всячески обезопасить себя от них. Билл Хьюз понравился ему сразу же. В его внешности были некоторые черты, присущие мужчинам семейства Морсон, и он напоминал Майклу его деда. Но еще больше его поразила фотография жены Хьюза – Меделин. С фотографии на него смотрела его приемная мать – Кейтлин. Тот же овал лица, широкий лоб, медово-карие глаза, губы с четко очерченным природным контуром и шоколадного цвета длинные прямые волосы. В уголках глаз были заметны маленькие морщинки, которые придавали им озорства и жизнерадостности, и улыбалась она точно так же, как

это делала Кейтлин. Эту её улыбку сложно было забыть. У большинства людей от улыбки уголки губ приподнимаются вверх, от чего губы становятся похожи на полумесяц, а её губы вытягивались в прямую линию, от чего скулы на лице приподнимались, на щеках появлялись ямочки, а выражение лица становилось по-детски застенчивым.

Ровно в 17.30 Майкл вошел в кабинет Билла. По дороге сюда он принял решение еще раз дойти в своих воспоминаниях до комнаты Кейтлин и надеялся, что эта решимость поможет ему вспомнить то, что он увидел там в тот день. Пересматривая досье Хьюза, он снова и снова вглядывался в фотографию Меделин, и его посетила мысль о том, что за всю его жизнь только Кейтлин любила его по-настоящему материнской любовью.

И она заслуживает того, чтобы он помнил о ней всё до мельчайшей детали, даже если это лишь усилит его ночные кошмары и он перестанет спать вовсе. Он многое бы отдал за то, чтобы защитить её от того, что с ней тогда случилось. И не важно, что ему было всего лишь тринадцать. Он должен был это сделать! А теперь он не мог быть настолько сильным, чтобы заглянуть в своё подсознание и принять всё то, что ему казалось, он прячет сам от себя, словно маленький мальчик, разбивший мамину вазу и спрятавший осколки под диван. Ему претила сама мысль о том, что где-то глубоко внутри себя он был этим мальчиком. Ему было противно от того, что он прячется в шкафу воспоминаний, закрывая двери

каждый раз, когда чувствует опасность. Это делало его слабым. А он вовсе не привык к этому. Вся его жизнь была свидетельством того, что он способен принять и выдержать любой вызов. Сегодня он бросил вызов сам себе и был настроен решительно.

Он сидел на диване и молчал, погруженный в свои мысли. Хьюз прервал их молчание:

– Майкл, вас что-то тревожит сегодня? Когда вы уходили в прошлый раз, мне показалось, что мы продвинулись в ваших воспоминаниях, но меня беспокоит один момент. Ваши воспоминания лишены какой-либо эмоциональной окраски.

Его посетитель сложил руки в замок, положил их на колени, слегка подался вперед, и спросил, с интересом глядя на Билла:

– Что это значит?

– Они будто бы заучены наизусть. В них не чувствуется истинных эмоций. Как будто бы их уже много раз повторяли. Я думаю, вы маскируете ими то, что вас по-настоящему беспокоит, то, чего вы или боитесь вспомнить или не помните, но очень хотите.

Для Майкла услышанное было словно пароль. Теперь он точно знал, что сможет вспомнить, и Биллу удалось буквально парой фраз снести стену Майкла, которую он еще никому не позволял преодолеть даже наполовину.

И Майкл проделал этот путь с мешком камней за спиной от железных ворот, по дорожке, ведущей к дому, преодолел

лестницу и вошел в спальню Кейтлин. Но в самый последний момент, понял, что по-прежнему ничего не видит в этой комнате.

Волна разочарования и гнева на самого себя захлестнула Майкла. Он никак не мог осознать, что же блокирует его память. Он был не в силах противостоять самому себе. Ему было двадцать восемь лет, а он проигрывал тринадцатилетнему подростку, который был слабаком, хотел защититься и заблокировал всё, что увидел в тот день. Бессильная злоба практически накрывала его с головой, он тонул в ней, захлебывался. Всё что ему удавалось – лишь вынырнуть на поверхность, глотнуть воздуха и снова погрузиться почти на самое дно. Его руки непроизвольно сжались в кулаки. Хьюз уловил это движение. Понимая, чем вызвано беспокойство Майкла он поспешил успокоить его:

– Майкл, я понимаю, как вам важно это вспомнить, но шок, который вы испытали, блокирует некоторые отделы памяти. Это защитная реакция. Ваш организм отвергает эту картинку, чтобы защитить вас и ваш мозг настойчиво пытается преодолеть этот барьер. Есть способ, который поможет высвободить эту информацию, но здесь очень важно не только ваше желание, но и доверие. Мы можем попробовать регрессивный гипноз.

Младший Морсон откинулся на спинку кресла и скептически хмыкнул:

– То есть вы проникаете в моё сознание и гуляете там, где

хотите?

– Не совсем так. Вы погружаетесь только в тот отрезок времени, который блокирует ваше сознание, и мы вместе высвобождаем ваши воспоминания.

Майкл задал следующий вопрос, однако же, теперь в его тоне слышалось сомнение с легким налетом тревожности:

– А есть возможность того, что одни воспоминания можно заменить другими? Или мои страхи будут восприняты как воспоминания?

Теперь Билл Хьюз выразил удивление:

– Что вы имеете в виду?

– К примеру, я много раз рисовал в своем воображении картины, как это было на самом деле, но я не знаю, так ли это было в действительности. Вы погрузите меня в гипноз, я ничего не смогу вспомнить из того, что было на самом деле, но что если один из моих страхов займет место реальных воспоминаний и навсегда останется для меня истиной?

– Да. Такая возможность не исключена, хотя и достаточно редко встречается в моей практике. Как правило, такое возможно для людей с изменчивостью сознания.

На лице Майкла снова мелькнула скептическая ухмылка:

– Вы так пытаетесь мягко намекнуть на раздвоение личности?

Билл Хьюз был поражен таким поворотом разговора. Сегодня у Майкла случился явный прорыв, и его решимость была непоколебимой, однако в самый последний момент он

будто нажал на тормоз. И хотя его пациент обладал сильным характером, Билл совсем не ожидал, что Майкл практически закроется от него. Поэтому посчитал своим долгом не давить, а слегка отойти назад:

– Биполярность личности – это более глубокое понятие, чем кажется на первый взгляд. Но если вы сомневаетесь в необходимости высвобождать свои воспоминания с помощью гипноза, то мы можем восстанавливать тот день маленькими шагами до тех пор, пока ваша память не найдет недостающих деталей для воссоздания полной картины.

Внезапно Хьюз понял, что в поведении Майкла появилась какая-то резкость, которой раньше не наблюдалось. Это нельзя было назвать агрессией, скорее это была готовность спортсмена перед стартом. Майкл явно хотел прервать их разговор, и Билл решил помочь ему в этом:

– Я думаю, на сегодня достаточно. Вероятно, вам нужно время, чтобы всё обдумать.

На лице Майкла отразилось явное облегчение. Он попрощался и вышел из кабинета. Хьюз вышел за ним в приемную, немного постоял у двери, прислушиваясь к звуку удаляющихся в сторону лифта шагов, после чего запер дверь и вернулся в кабинет.

Подойдя к окну, он подождал, пока машина Морсона выедет из подземной стоянки на перекресток, затем взял телефон и набрал знакомый номер. Разговор длился лишь несколько секунд. Через пять минут в его кабинете раздал-

ся звонок интеркома. Эти пять минут ожидания показались Хьюзу такими долгими, что он еле дождался, когда двери лифта выпустят его гостя. Тот, кого так ждал психоаналитик, вошел в кабинет и сел в кресло, в котором совсем недавно сидел пациент Хьюза, вызывавший в нем смешанные чувства. И основой этого коктейля эмоций был страх. И от его гостя не укрылись эти эмоции:

– Ты явно напуган. Что случилось?

Хозяин кабинета закрыл жалюзи, на всякий случай задернул шторы, включил лампу на своём столе, откинулся в кресле и, посидев так несколько минут, ответил на вопрос:

– Меня беспокоит один мой пациент. Я не буду рассказывать тебе его историю, чтобы не утомлять деталями и не тратить твоё время впустую, но он рассказывает её так, как если бы это было не с ним. Сегодня он сказал, что хочет вспомнить всё, что произошло с ним в этой истории, и был весьма решительно настроен. Когда я предложил ему гипноз, он сразу же изменился.

– Значит вы достигли сегодня прорыва но, вплотную подойдя к проблеме, он включил обратный ход?

– Да. Но кроме этого, его мучил вопрос, что если его страхи станут явными воспоминаниями. И даже не просто страхи, в некие видения трагедии, которая случилась тогда, станут тем, что было на самом деле. И я это узнаю.

– Это как если бы он убил кого-то, потом вышел сухим из воды и убедил всех вокруг себя и себя в том числе, что

это не он. А после сеанса гипноза станет понятно, что он не только убийца, но и социопат, ничем не выдававший себя долгие годы.

Психоаналитик заметно оживился и подтвердил догадку своего собеседника:

– Абсолютно точно! Правда есть одно небольшое «но». Ему тогда было тринадцать и, вероятнее всего, он помогал убийце. А это значит, что он может быть опаснее вдвойне. У меня нет уверенности, что он не захочет повторить то, что возможно совершил или же продолжает совершать и возможно не один. И я хочу себя обезопасить. А для этого мне нужны данные о нем.

Его гость улыбнулся и произнес:

– Ты знаешь мои условия.

Билл Хьюз открыл ящик стола, достал заранее приготовленный конверт и пододвинул его к противоположному краю стола.

– Это стопроцентная оплата. Его имя Майкл Морсон. Срок – пять дней.

– Договорились. Информация будет у тебя в конце недели. До вашей следующей встречи ты успеешь ее изучить.

На лице психоаналитика отразилась вся гамма чувств, которые может испытывать человек лишь по-настоящему испытавший облегчение от мучающей его вот уже несколько недель проблемы.

2006 год. Майами-Бич

Майкл Морсон завтракал в номере отеля Фараон Ориентал Сан в Майами. VIP-пентхаус, предназначенный только для узкого круга гостей, не значился ни в одном рекламном проспекте и никак не был обозначен на официальном сайте отеля. Номер располагался на самом верхнем этаже и занимал более девяти с половиной тысяч квадратных футов[1]. С балкона, опоясывающего номер, открывался поистине захватывающий дух вид на Атлантический океан и горизонты Майами.

Обстановка как самого отеля, так и номера были выдержаны в восточных тонах и мотивах, предоставляя возможность отдыхающим насладиться всем, что предлагает дивный мир Азии: начиная от расслабляющих массажей, йоги, великолепного SPA-салона, заканчивая бурлящей ночной жизнью. Однако при этом всё в этом отеле было пропитано духом комфорта, присущего динамичному, современному образу жизни.

Интерьер и вся отделка были выполнены из материалов, сочетающих в себе уточненную роскошь: африканское розовое дерево для пола; специальное покрытие для стен, имитирующее шелк и создающее мерцание лунного луча на бледной глади ночного озера; шандуньский шелк для обивки мебели; эксклюзивный дамаст с вплетением шелковых, шерстяных и хлопковых нитей для штор; уникальный черный

---

[1] 9500 кв.футов = 882,58 кв.метров

гранит для ванных комнат. В номере было четыре спальни и такое же количество ванных комнат, гостиная с кухней, а также собственный бассейн на крыше с панорамным видом, джакузи с зоной отдыха и тропическим садом. В дополнение к этому, пентхаус был оборудован по последнему слову техники, располагая всеми необходимыми современными технологиями.

Отель предлагал своим гостям солидный набор услуг, но сегодня Майклу вполне хватило бы и частного пляжа. Солнце, вода и песок приносили ему упокоение и доставляли истинное наслаждение. Каждый свой приезд в Майами большую часть времени он проводил на пляже, отдаваясь той неге, которая таится в волнах и прикосновениях разогретого солнцем песка к ступням, наконец-то высвободившимся из офисной обуви.

Прошедшую ночь он провел в обществе Делинды, с которой он не планировал оставаться дольше чем до конца недели. Она знала о его привычке завтракать в одиночестве, поэтому покинула номер еще полчаса назад, договорившись встретиться с ним на пляже. Так что Майкл мог спокойно выпить свой утренний кофе, листая газеты и переключаясь с одного информационного канала на другой. Через пять минут начинался очередной выпуск новостей на ABC News, и Майкл, отложив пульт в сторону, погрузился в финансовые сводки в ожидании новостного блока. Из мира цифр его вывело упоминание знакомого имени. Он перевел взгляд

на экран телевизора и увидел, как камера оператора перемещается к входной двери дома, вокруг которого всё было затянуто желтыми лентами с надписью «Police Line – Do Not Cross». Взад-вперед сновали люди в полицейской форме. Между тем репортер продолжала рассказывать:

– … найдены мертвыми в своём загородном доме в пригороде Лонг Бранч. В нашем распоряжении есть информация о том, что сначала была жестоко убита Меделин Хьюз…

В этот момент камера показала крупным планом гостиную дома, ставшего объектом криминальной хроники, точнее ту её часть, которую удалось выхватить камере в момент, когда туда один из полицейских входил в дом. Прямо посреди гостиной находилась огромная мраморная лестница, покрытая зеленой ковровой дорожкой в пятнах крови. Кроме входной двери и лестницы на второй этаж в объектив камеры ничего больше не попадало, но этого было достаточно, чтобы Майкл Морсон осознал весь ужас того, насколько эта лестница похожа на ту, которую он видел в тринадцать лет.

– … её нашли в спальне. Тело было изуродовано до неузнаваемости и подвешено за ноги к потолку, а весь дом залит кровью. Тело её мужа – психоаналитика Билла Хьюза было найдено в ванной. Еще не ясны мотивы этого преступления, но полиция предполагает, что Хьюз сначала убил свою жену, после чего покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в висок.

В этот момент камера показала, как из дома выносят два

тела, упакованных в черные пластиковые мешки. Последнее, что выхватил объектив камеры, была дорожка, ведущая к дому с кустами белоснежных роз, растущими по обе стороны. Дорожка была покрыта гравием, а лепестки роз уже начали осыпаться.

Майкл Морсон в оцепенении смотрел на экран. Кадры новостей сменялись один за другим, но он уже не видел и не слышал ничего вокруг себя. Недопитый кофе растекался по белой скатерти. Он опустил глаза и в оцепенении наблюдал за тем, как темно-коричневая жидкость образовала небольшую дорожку, по краям которой остались белые берега. И он как будто снова ступал по ней шаг за шагом. Словно тот тринадцатилетний Майкл стоит у двери в спальню своей приемной матери. Открывает дверь и входит в комнату. Над кроватью висит тело Кейтлин. Оно подвешено за ноги на крюк от люстры. Головы у нее нет, и под телом стоит таз, в который стекает кровь из обезглавленного тела. Таз слегка наклонен, так чтобы кровь стекала на пол. Голова и отрубленные кисти рук Кейтлин лежат на трюмо перед зеркалом.

Телефонный звонок прервал неожиданно нахлынувший поток воспоминаний и позволил Майклу вернуться в действительность, вынырнув из водоворота памяти, куда его затягивало с невиданной силой. Голос в трубке заставил Майкла очнуться:

– Мистер Морсон?

– Да! Слушаю вас.

– Говорит детектив Скот Вингсток, из Детективного Бюро Полицейского Департамента Лонг – Бранч. Сегодня утром были найдены мертвыми Меделин и Билл Хьюз.

– Да. Я видел в новостях.

– Я буду очень признателен, если вы приедете к нам.

– Я не понимаю, по какой причине? Я со вчерашнего утра нахожусь в Майами. Это тысяча триста миль от вас.

– Вы были клиентом мистера Хьюза. К тому же мы располагаем информацией о том, что вашей жизни может угрожать опасность, так что это и в ваших интересах тоже.

– Что ж… я свяжусь со своим адвокатом и постараюсь приехать как можно скорее.

***

На следующий день Майкл и его адвокат Кэвин Харт сидели напротив детектива Вингстока. Последний выглядел слегка не типично для сотрудника полиции: светлые волосы, насыщенного цвета зеленые глаза и неотъемлемый для жителей этого маленького курортного городка Лонг – Бранч загар. Детектив также был обладателем мускулистого торса, неприлично обтянутого светло-серой футболкой. Но выражением его лица совсем не выдавало в нем служителя закона, оно скорее наоборот, могло быть свойственно человеку, самому нуждающемуся в помощи. Скот Вингсток выглядел так, словно был ребенком, у которого отобрали всё самое ценное сразу: и сладости и игрушки. Но когда он улыбался,

в уголках его глаз собирались морщинки, и он становился похож на человека, которому без раздумий можно было доверять на все сто процентов.

Это его свойство магнетически притягивало к нему женщин, к чему он привык еще с юности и чем пользовался время от времени, пока не находил девушку, способную прожить с ним хотя бы пару месяцев. На большее их, как правило, не хватало, так как к совместной жизни он был совсем не пригоден. Тем не менее, надо отдать ему должное, в те месяцы, что он находился в постоянных отношениях, он был верен своей партнерше и так до очередного расставания и следовавшего за ним обоюдного обмена личными вещами, оставленными в квартирах друг друга. Со временем он привык к такому положению вещей, хотя в какой-то момент попробовал его изменить и сделал предложение своей коллеге. Она его не приняла и объяснила, что жить с ним не возможно, так как кроме своей работы его ничего не интересует и к тому же собеседник из него никудышный, так как разговаривать двадцать четыре часа только о работе полицейского не способна ни одна женщина. После этой истории он забросил попытки обзавестись постоянной девушкой или семьей.

В его жизни еще с самого детства была заветная мечта – работать в полиции. При чем, эти его отношения с работой были долгосрочными, длились уже более двадцати лет и, похоже, устраивали обе стороны. По крайней мере, никаких разногласий и ни одной серьезной ссоры за эти годы у них

не случилось.

Приветливо улыбнувшись, своей фирменной улыбкой, направленной на то, чтобы расположить собеседника, детектив Вингсток начал разговор:

– Мистер Морсон, как вы уже знаете, вчера утром в своем доме были найдены тела вашего психоаналитика Била Хьюза и его жены. Но уверен, вы не знаете, при каких обстоятельствах наступила их смерть.

– Нет, не знаю. Я видел только то, что было показано в новостях.

– Вот фотографии с места преступления.

Детектив достал из своей папки несколько фотографий, разложил их перед Майклом и продолжил:

– Меделин Хьюз была убита в спальне. Ее тело было подвешено за ноги, голова и кисти рук лежали на трюмо перед зеркалом, а кровь из безжизненного тела стекала в таз. Когда таз наполнился, кровь перелилась за края, пропитав ковер в спальне.

Билл Хьюз лежал в ванной, в окровавленной одежде. Его руки были в крови, а рядом нашли пистолет. Он выстрелил себе в рот, и узнать его можно было только по характерному скоплению родинок на запястье.

Майкл старался держать себя в руках, чтобы сохранить хладнокровие при виде фотографий Меделин, однако вчерашние утренние воспоминания были всё еще сильны. Его расстройство не укрылось от детектива:

– Я понимаю ваши чувства мистер Морсон. Я тоже не часто вижу такую изощренность. Но дело в том, что в кабинете мистера Хьюза мы нашли папку, в которой оказались распечатки его бесед с вами, а также полное досье на вашу семью.

Адвокат Майкла, молчавший до сих пор, наклонился к своему клиенту и что-то прошептал ему на ухо. Тот одобрительно кивнул головой, и адвокат озвучил свою мысль:

– Детектив, беседы психоаналитика с клиентами носят конфиденциальный характер.

– Это действительно так! Но мы не говорим о его врачебных записях. Речь идет о папке, найденной в его столе, происхождение которой пока установить не удалось. Так что только мистер Морсон может подтвердить, действительно ли он говорил об этом со своим аналитиком. Но сейчас речь о другом. Из этих записей стало понятно, что мистер Морсон в детстве пережил несколько трагедий, в одной из которых он потерял свою приемную мать Кейтлин Фейрвик. И Билл Хьюз знал, что мистер Морсон нашел её тело, но совершенно не помнит этот момент.

Мы запросили в Полицейском Управлении Санта-Круз материалы того дела. Мистер Морсон, позвольте показать вам фотографии с места убийства Кейтлин Фейрвик.

Не в силах произнести ни слова, Майкл просто кивнул головой.

Детектив достал еще несколько фотографий, и Майкл увидел те самые кадры, которые до сегодняшнего утра его

память заботливо прятала в такие глубины, из которых ему не удавалось их извлечь вот уже много лет, причиной чему были шок и стресс. Эти же факторы извлекли их наружу, удовлетворив навязчивое желание Майкла – вспомнить.

Тем временем, детектив продолжил:

– Как вы сами видите Кейтлин Фейрвик и Меделин Хьюз были убиты похожим способом. К тому же, в год смерти вашей родной матери Лоры Морсон в Калифорнии было найдено еще несколько женщин, убитых так же. Я не буду сейчас утомлять вас деталями. Скажу только одно – убийца так и не был найден.

– И что всё это значит?

– Кроме распечаток ваших разговоров, в папке, найденной в столе Хьюза, собрана информация о гибели всей вашей семьи. А также мы нашли там фотографии вашей родной матери – Лоры Морсон, вашей приемной матери – Кейтлин Фейрвик и вашего деда. Возможно, вы заметили сходство между Биллом Хьюзом и своим дедом – Фрэнком Морсоном, но Меделин Хьюз и Кейтлин похожи друг на друга как две капли воды.

Скот Вингсток положил перед Майклом четыре фотографии: Меделин Хьюз, Кейтлин Фейрвик, Фрэнка Морсона и Билла Хьюза. Мимолетного взгляда Майклу хватило на то, чтобы понять, что точно такие же фотографии лежат в его портфеле, в досье на уже мертвого психоаналитика.

– Мы проверили всю информацию об этих женщинах, но

не выявили между ними никакой связи. По крайней мере, ни в каком родстве они не состояли. Однако на этом мы не остановились. Я хочу показать вам фотографии двух других женщин, найденных убитыми в Калифорнии в тот год, когда умерла Лора Морсон.

Майкл внимательно посмотрел на фотографии. Две девушки в возрасте двадцати пяти лет, обе были похожи между собой, но кроме прочего они были похожи еще на одну женщину из его жизни. Детектив достал из папки очередную фотографию и положил её перед Майклом поверх фотографии с места убийства четы Хьюз. Это была фотография Лоры Морсон незадолго до её смерти. Голубые глаза, слегка смуглая кожа, причиной чему было калифорнийского солнце, светлые, пшеничного цвета вьющиеся волосы, которые Лора постоянно красила в платиновый цвет и родинка на левой щеке. Девушки на фотографиях были практически точной копией Лоры, за исключением родинки.

Для Майкла это стало последней каплей. Ему казалось, что самое страшное случилось с ним тогда, в тринадцать лет. Когда в восемнадцать он потерял деда, он нашел в себе силы пережить это. Но поток информации, который сейчас вылил на него Вингсток, он оказался просто не в состоянии уложить в своем мозгу. Но и это был не конец.

Детектив сел напротив Майкла и продолжил:

– Мистер Морсон, хронология событий получается весьма странной. Сначала ваша мать Лора Морсон умирает от

передозировки в 1983-м году. В этот же год были убиты две девушки похожих на нее. Убийца подвесил их за ноги, предварительно обезглавив и отрезав им кисти рук. Спустя восемь лет этим же способом неизвестный убил вашу приемную мать Кейтлин Фейрвик.

Еще через пять лет Фрэнк Морсон погибает в авиакатастрофе, хотя официальных подтверждений этому нет и спустя десять лет после его гибели, Меделин Хьюз убита тем же способом, что Кейтлин Фейрвик и две девушки в 1983-м. Бил Хьюз найден мертвым. У нас есть все основания полагать, что смерти вашей родной и приемной матерей связаны с двумя последними.

Майкл был уже просто не в состоянии спокойно оставаться на своем стуле. Эмоции настолько переполняли его. Казалось, чем дольше он остается в этом здании, тем большее эти стены давят на него, выливая в сознание все новые потоки информации, которые смешивались с его воспоминаниями, и хаотично метались от одной стенки его мозга к другой. Он был не готов осмыслить это за столь короткий промежуток времени.

Ему хотелось просто встать и выйти на улицу, а затем броситься со всех ног из этого места, из этой реальности и бежать до тех пор, пока всё это не останется позади, за пределами его памяти. Но выхода не было, память уже никогда не сотрет эту информацию, такой функции просто не существовало и шансов на спасение от мыслей и чувств, вихрем

ворвавшихся и бушевавших внутри него уже не оставалось.

Чтобы немного приглушить свое желание сбежать немедленно и без оглядки, он встал и стал ходить от одной стены к другой, стараясь обрести контроль и сохранить приличия, столь необходимые сейчас. Он старался, чтобы его руки не тряслись и не сжимались от бессильной злобы в кулаки, готовые вот-вот врезаться в стену, пробив ее насквозь, чтобы в образовавшуюся дыру можно было слить всё то, что он узнал за последние двадцать четыре часа.

Надо отдать должное его выдержке, самообладание вернулось к нему через пару минут. Он вернулся на своё место, слегка сжал виски пальцами и сказал:

– Мне не хочется в это верить, хотя есть очевидная связь, но я не нахожу мотива. Между смертью Кейтлин и тех девушек прошло восемь лет, а между смертью Кейтлин и Меделин Хьюз – пятнадцать. Не слишком ли длинный перерыв?

– За время работы в полиции я видел разное, поэтому с уверенностью могу сказать, что в действиях подобных убийц мало логики и такой перерыв вовсе не означает, что он бездействовал. Возможно, всего лишь нет свидетельств обратного. Но, судя по изощренности этих убийств, тот, кто их совершил, уже не молод, и не был подростком тогда. Биллу Хьюзу было 58, а значит, он вполне подходит под предполагаемый возраст. Все эти убийства связаны и подпадают под критерии серийности. Впрочем, какие-либо выводы делать рано. Тем не менее, постарайтесь, пожалуйста, вспом-

нить, при каких обстоятельствах вы познакомились с Биллом Хьюзом?

– Всё достаточно просто. Моя ассистентка позвонила ему и назначила встречу. Мы познакомились в его кабинете. Я действительно увидел в нем сходство с моим дедом. Мы встречались в общей сложности четыре раза.

– Во время ваших встреч, вам не показалось ничего странным в его поведении? Не возникло ощущения, что вы могли его видеть раньше?

Майкл недоуменно пожал плечами, всем видом давая понять детективу Вингстоку, что подобных мыслей он не допускал.

– Нет. Он был весьма располагающим к себе человеком. Как вы уже знаете, я хотел вспомнить, что было в комнате Кейтлин, когда я нашел её. Мне тогда было тринадцать лет. По рассказам полицейских я знал, что в тот день, я вошел в дом, поднялся на второй этаж, от увиденного впал в состояние шока, стал бесцельно бродить по дому, вызвал службу спасения, а затем потерял сознание и пришел в себя только, когда приехала полиция.

– Вы были знакомы с Меделин Хьюз?

– Никогда не видел её раньше.

– Мистер Морсон, могли у вашего деда быть враги, которые таким образом хотели на него повлиять? Ведь его гибель окутана тайной, а тело так и не смогли поднять из ущелья?

– Вряд ли я смогу полностью ответить на этот вопрос. Моя

мать умерла от передозировки наркотиками, мне тогда было пять лет. Кейтлин Фейрвик усыновила меня по настоянию моего деда. Как он сам мне рассказывал, этим он хотел обезопасить меня.

– От чего именно обезопасить, он объяснил вам?

– Нет. И всегда старался стороной обходить этот вопрос. Так что в период с пяти до тринадцати лет я жил со своей приемной матерью в Санта-Круз. Когда ее убили, Фрэнк Морсон стал моим опекуном, и я начал жить с ним в Нью-Йорке. После авиакатастрофы, я унаследовал его состояние и корпорацию Morson Global. Юридически всё прошло гладко. Кевин полностью контролировал этот процесс.

Вингсток обратился к адвокату Майкла:

– Мистер Харт, в процессе получения наследства, были какие-либо осложнения?

– Ничего особенного. По завещанию я был назначен доверительным управляющим. По закону необходимо было произвести все необходимые расчеты с кредиторами корпорации, после чего остатки имущества я должен был передать Майклу по достижению им совершеннолетия по закону штата Нью-Йорк. Однако нам удалось сохранить компанию. Формально я оставался главой совета директоров в течение трех лет, хотя фактически с первых дней Майкл принимал участие в управлении.

– Хорошо. Большое спасибо. Я дам вам знать, если появится новая информация. И еще, мистер Морсон, я бы по-

советовал вам воздержаться от любых дальних поездок, особенно от перелетов. Если вы вспомните что-то важное, пожалуйста, позвоните мне. Всего доброго!

Глава 2

Июнь, 2006. Нью-Йорк

На следующий день Майкл Морсон сидел в своем кабинете и страница за страницей пролистывал архивы своей семьи. Информации было не много и, в большинстве своем, она мало чем отличалась от того, что накануне ему рассказал детектив Вингсток. И если раньше Майкл хотел только вспомнить, то теперь его одолевало новое желание понять, что же происходило вокруг него все эти годы. В руках у него была пока только часть информации о семье Морсонов, другую часть информации он собирался узнать у адвоката их семьи – Кевина Харта.

До событий последних дней Майкл и не предполагал, что обстоятельства смерти его близких могли быть как-то связаны между собой или с бизнесом его деда. Он всегда думал, что это злой рок, преследующий его семью и мысль о том, что за этим может стоять один или несколько человек даже не приходила ему в голову. Теперь же связь явно прослеживалась, но кроме предположений ни у Майкла, ни у полиции, пока не было равным счетом никаких фактов.

Утром Майкл разговаривал с детективом. Экспертиза показала, что Билл Хьюз был, не только застрелен, но также, что убийца был правшой в отличие от психоаналитика. Все

убийства, связанные с его семьей также были совершены правшой. Так была исключена версия о том, что его бывший психоаналитик мог быть тем самым маньяком, который убил Кейтлин Фейрвик, свою жену Меделин и еще двух девушек, похожих на Лору Морсон. Но даже до этого разговора Майклу было сложно в такое поверить, и еще сложнее было предположить, что Билл Хьюз мог иметь отношение к гибели его деда. За время их общения Майкл успел немного узнать своего аналитика и мог с уверенностью сказать, что тому бы просто не хватило силы воли для такого жестокого убийства.

Теперь было абсолютно ясно, что Билл такая же жертва, как и все остальные в этой истории. Проверить факт насильственной смерти Фрэнка Морсона вообще не представляется возможным. Ущелье в составе горного массива Блу-Ридж в районе Пидмонт, в которое упал частный самолет Морсонов, оказалось слишком узким и опасным. Расщелина представляла собой углубление длиной около двухсот футов и шириной не более ста. После того, как самолет столкнулся со скалой и упал в это отверстие в горе, произошло обрушение породы. И, кроме того, что не было никакой возможности спуститься вниз, разобрать камни без помощи техники также представлялось недостижимым. Да и останки самолета уже были практически уничтожены.

Со дня гибели деда, Майкл несколько раз возвращался к этому ущелью, обращался к спасателям, частным пилотам и скалолазам. Но получая отказ за отказом и потеряв всякую

надежду, Майкл оставил свои бесплодные попытки.

Так погруженный в свои мысли он в задумчивости ходил по кабинету. Подойдя к одному из массивных книжных шкафов, стал одну за другой вытаскивать книги. Читал название, открывал на первой попавшейся странице, будто пытаясь отыскать одному ему известную недостающую мысль в цепочке своих размышлений, но не находя ничего ценного, разочарованно ставил книгу на место.

Перебрав несколько десятков книг, на нижней полке Майкл наткнулся на тонкую темно-коричневую папку. Он вспомнил, что поставил её сюда несколько лет назад, и с тех пор ни разу не возвращался к ее содержимому. В папке было всего несколько страниц с информацией и две фотографии. На одном снимке была женщина лет пятидесяти. Весьма привлекательное, ухоженное лицо, темные пристальные глаза, четко очерченная линия рта и подбородка выдавали в ней силу и твердость характера. На втором снимке была она же, но спустя десять лет. Теперь она сидела в инвалидном кресле. Её лицо обгорело, и даже не смотря на усилия пластического хирурга, последствия произошедшего с ней несчастного случая были заметны. Спасти кожу рук не удалось, и теперь и руки скрывали мягкие фланелевые перчатки. Что касается волос, то удачно подобранный парик полностью скрывал отсутствие собственных. Но, не смотря на инвалидное кресло в её взгляде не было ни грусти, ни жалости к себе.

Это была Ирэна Давидовская – специалист в области ней-

рофизиологии и психоанализа. У неё были украинские корни, хотя сам Ирэна большую часть времени прожила в Америке. В свои шестьдесят лет была видным деятелем в области психоанализа. Её работы вызывали резонанс, а подход к исследованиям мозга были нестандартным. Долгое время она работала с такими нарушениями психики, которые, как правило, приводили людей в тюрьму или специализированные клиники, и за их преступления было только два возможных вида наказания – смертная казнь или пожизненное заключение. После несчастного случая, который произошел при весьма странных обстоятельствах, она оставила научную деятельность и открыла частную практику. Работала только с узким кругом клиентов и была одним из самых неординарных специалистов в своей области.

Майкл помнил, что несколько лет назад, когда он выбирал себе нового «друга за деньги», кандидатуру Ирэны он отмел, поскольку у них не было ничего общего. Он даже посчитал её полной противоположностью себе. Теперь же его больше не привлекала похожесть. Слишком много она таила в себе и очень дорого обошлась ему. Ему хотелось с кем-то обсудить свою очередную потерю, и этот кто-то должен был ему помочь. Хотя он точно и не знал как. И если раньше Майкл никогда не звонил сам, чтобы назначить встречу, то с Ирэной он договаривался лично. Она согласилась его принять, только узнав о том, что он бывший пациент Билла Хьюза.

При личной встрече Ирэна произвела на Майкла весьма

располагающее впечатление. Где-то в глубине души он даже пожалел, что не познакомился с ней несколько лет назад. Кабинет Ирэны располагался в её квартире в Сохо, на Гранд Стрит. Зная, что Сохо славится своими апартаментами и офисами в стиле лофт, Майкл ожидал увидеть именно такой традиционный роскошный офис. Однако его ожидания не оправдались. Апартаменты площадью более шести тысяч квадратных футов располагались на верхнем этаже здания, которое, как и большинство строений в этом районе некогда было фабрикой. Но ни кирпичных кладок, открытых коммуникаций и металлических конструкций, присущих этому ставшему очень популярным архитектурному стилю там не было. Помещение было правильной квадратной формы и было зонировано по принципу зеркальной комнаты. В центре апартаментов располагалась гостиная с волнообразным потолком и массивной перегородкой посредине напоминающей нос корабля, рассекающего волны. В каждой стене этой своеобразной гостиной было по несколько дверей, за которыми находились кабинет, спальни, столовая, библиотека и кухня. Весь интерьер был белоснежным, с большим количеством фотографий, абстрактных картин, углублений и небольших ниш в стенах, придающих пространству многоуровневость. Не менее интересным являлся также сценарий освещения и различной светодиодной подсветки.

Кабинет, в котором Ирэна принимала своих пациентов, также как и вся квартира был белоснежным. На стенах висе-

ло много черно-белых фотографий, в основном различные вариации на тему моря: камни, волны, морские раковины, выброшенные на берег, черно-белый закат на Ривьере, пейзажи пляжей Майами и несколько фотографий Мексиканского залива. Майкл не увлекался фотографией, но отметил, что вкус фотографа ему близок. Панорамные окна в пол были всегда закрыты жалюзи, и чаще всего хозяйка использовала искусственное освещение, не ослепляющее и не раздражающее своей яркостью, а также позволяющее не привлекать внимание посетителей к визуальным недостаткам кожи Ирэны – последствиям несчастного случая, произошедшего с ней.

Любой, кто попадал в этот кабинет в первый раз, никак не мог предположить, что его владелица может передвигаться только в инвалидном кресле. А после более длительного общения с Ирэной Давидовской, создавалось впечатление, что сама она не воспринимает своё кресло как приговор. Каждый, кто встречался на её пути, неизбежно поддавался её лучезарности и позитивному восприятию жизни. Глядя на нее, казалось, что её энергии хватит на всех.

Она сразу же предупредила его о том, что не работает с пациентами, страдающими от банальных неврозов и страхов. Её интересуют куда более серьезные переживания и глубокие травмы. Протянув ему руку в перчатке, она произнесла вместо приветствия:

– Надеюсь, вас привело ко мне действительно что-то сто-

ящее. Я коллекционирую истории из глубин человеческого сознания. У меня свои личные, нетрадиционные методы работы. Единственная традиция, которой я всегда верна – это врачебная этика!

Майкл, привыкший получать за свои деньги абсолютно всё, казалось, был слегка растерян. Впервые за последние годы, ему приходилось следовать правилам, которые были определены не им самим. И даже учитывая печальные обстоятельства последних дней, он почувствовал азарт. Ему захотелось заинтересовать Ирэну.

Он расположился на диване. Хозяйка кабинета установила своё инвалидное кресло напротив него и начала разговор:

– Вы хотите начать с того момента, где остановились с доктором Хьюзом или с самого начала?

Майкл задумался на несколько секунд, прежде чем ответить:

– Обстоятельства смерти доктора Хьюза полностью перевернули моё мироощущение, поэтому я хочу начать с конца. Точнее с того момента, как я увидел сообщение о смерти доктора и его жены.

Ирэна одобрительно кивнула в знак поддержки, и Майкл продолжил:

– Мои сеансы к доктору Хьюзу имели под собой только одну цель – вспомнить картину смерти, которую я видел в 13 лет. В нашу последнюю встречу ему показалось, что мы практически у цели, но каждый раз, когда я дохожу до двери

комнаты, где была убита моя приемная мать, я пребываю в состоянии «почти готов».

Ирэна слушала его очень внимательно, иногда он останавливался, но она продолжала молчать, давая возможность выбрать в своих воспоминаниях и ощущениях то, что было для него важно. Между тем, Майкл продолжил:

– И каждый раз, когда наступает эта фаза, я меняю аналитика.

После этой фразы Ирэна уточнила:

– Сколько близких людей вы потеряли?

– Троих – мою мать Лору, приемную мать Кейтлин и моего деда Фрэнка. Других членов в нашей семье не было.

Мягким жестом руки она предложила Майклу продолжить.

– Вас не удивляет то обстоятельство, что я не постоянен в своих отношениях с аналитиками?

– Майкл, вы потеряли всех, кто был рядом. Не смотря на то, что вы так часто меняете аналитиков, хорошо уже то, что вы стремитесь к тому, чтобы понять, что с вами происходит. И непостоянство в данном случае – защита от новых потерь. Теперь вам кажется, что если вы уйдете первым, вам не будет больно. Положительная тенденция в этом – ваша способность открываться хотя бы настолько. И как я понимаю, в отношениях с женщинами все обстоит также.

– Совершенно верно. Я редко сближаюсь, и даже если это происходит, срок отношений весьма недолог.

– Ну что ж, если это вас не так сильно беспокоит, то я бы предложила вернуться к вашему состоянию «почти готов».

– Хорошо. В тот раз Билл предложил попробовать гипноз, чтобы я смог вспомнить. Но я не то, чтобы испугался, скорее меня просто не покидала мысль, что те страхи, которые я копил в себе все эти годы, займут место реальных воспоминаний.

– А что именно вас пугает так, что может подменить ваши воспоминания?

– После смерти моей матери Лоры, я долгое время был замкнут в себе. Почему-то мой дед решил, что будет лучше, если меня усыновит его помощница Кейтлин. Я часто видел её в нашем доме еще до смерти Лоры. Она фактически была единственным человеком, кто уделял мне внимание. Она брала меня в зоопарк, на карусели, покупала мне сладости и игрушки. И даже Рождество я проводил с ней, поскольку моя настоящая мать всё время была или пьяна или под кайфом.

– После того, как место Лоры заняла Кейтлин, как долго вы оставались замкнутым?

– Достаточно долго. Однажды я услышал, как она с кем-то говорит по телефону про аутизм. Я тогда еще не понимал, что это такое, а когда вошел в комнату, Кейтлин прервала разговор и положила трубку. После её гибели, я наткнулся в журнале на историю о подростке, страдавшем аутизмом. Она заканчивалась историей о том, как он убил всю свою семью. Полиция долгое время даже не подозревала его, пока не ока-

залось, что аутисты обладают силой, на какую не способны обычные дети и могут подстраиваться под обстоятельства и общество как хамелеоны.

Ирэна с удивлением смотрела на Майкла. То, о чем он говорил, пришло ей в голову еще десять минут назад. Он был либо чрезвычайно адекватен в своих ощущениях самого себя, что не удивительно для человека, нашедшего силы обратиться за помощью, либо перед ней сидел социопат с величайшим даром мимикрии. И то и другое вызывало в ней самый живой интерес. Поэтому она решила закончить его мысль:

– И вы испугались того, что можете оказаться убийцей с диссоциативным расстройством идентичности?

– Да. Долгое время я считал, что у меня раздвоение личности.

– А сейчас вы тоже так считаете?

– Не думаю, хотя и не могу быть точно в этом уверен. Чтобы проверить так ли это я даже несколько месяцев вел хронологический дневник своих передвижений. Параллельно с этим я перечитал множество литературы о шизофрении, аутизме, социо- и психопатии и прочих расстройствах личности. И пришел к выводу, что ничего подобного у себя не наблюдаю.

– Тогда что же вас оттолкнуло в тот момент, когда вы были в одном шаге от возможного восстановления реальных событий?

Майкл развел руками:

– Увы, у меня нет никакого логического объяснения этому.

– Вы вовсе не обязаны иметь логическое объяснение всем своим поступкам.

– В тот момент я действительно не захотел. Я подошел к этой двери так близко, как уже давно не подходил. Это как хотеть то, чего не можешь получить, мечтать, предвкушать, а потом вдруг ты счастливый обладатель желаемого, но уже не испытываешь ни радости, ни восторга по этому поводу.

– Но вы всё-таки вспомнили?

– Да.

– Как это случилось?

– В выпуске новостей показали дверь в дом Билла Хьюза и мраморную лестницу из гостиной на второй этаж. Лестница была покрыта зеленым ковром, но от крови она превратилась в бордово-красную. Возле дома была дорожка, засыпанная гравием, а по краям кусты белых роз. Всё было точно так, как в день убийства Кейтлин. Жена Хьюза – Меделин была убита тем же способом, что и Кейтлин, и в тех же самых, если так можно выразиться, декорациях.

Ирэна Давидовская была ошарашена услышанным. Майклу явно удалось заинтересовать её. Это была не только психологическая задача, но и история смерти с несколькими неизвестными. Ирэна по роду своей деятельности довольно часто сталкивалась с психо – и социопатией, однако чаще

всего это не были её пациенты. Она выступала в роли эксперта по таким вопросам, и от её профессионального заключения зависело решение о заключении в тюрьму или направлении в психиатрическую клинику. В данном же случае имела место запутанная, но от того более влекущая к себе тайна. И ей захотелось отыскать разгадку. Подобный азарт позволял ей чувствовать вкус жизни. И чем острее был этот вкус, тем желаннее для нее становилась сама жизнь.

От Майкла не укрылась её заинтересованность. Он знал о том, что она имеет серьезный опыт не только в оценке психической адекватности преступников, но и часто выступала экспертом при составлении профилей серийных убийц и маньяков.

Немного поразмыслив, Ирэна задала ему очевидный вопрос:

– Но ведь Билл Хьюз не мог знать того, что произошло в другом доме много лет назад? По крайней мере, он так и не узнал этого от вас.

– В тот день, когда я всё вспомнил, Билл Хьюз, как я и говорил, уже был мёртв, а я находился в тысячи миль от его дома. И раньше я никогда не видел дом, где он жил. На следующий день в полицейском участке мне показали фотографии с места убийства Кейтлин и Меделин Хьюз. Всё было сделано очень похоже.

– Майкл, а какая существует вероятность того, что Билл Хьюз мог видеть то, чего вы не помнили сами? Я имею в

виду, что он мог иметь самое прямое отношение к убийству вашей приемной матери Кейтлин?

– Не смотря на то, что это самый первый вывод, который напрашивается, для меня еще вчера это казалось практически невозможным.

– А что изменилось сегодня?

– Экспертиза показала, что Билл Хьюз не убивал себя. Он был убит также как его жена.

– Но ведь это не значит, что он не убивал своей жены. Или значит?

Майкл выглядел растерянным.

– Я не знаю. Утром мне позвонил детектив и сказал, что Билл Хьюз был убит, а не совершил самоубийство, как это выглядело на первый взгляд.

Ирэна продолжила:

– А вам не кажется, что возможно вы упускаете детали, которые не дают вам сложить полную картину? Вы так долго хотели вспомнить, что именно вы видели. Но ваше воспоминание было подобно вспышке.

– Так и было. Сначала я увидел картину того, что было, когда в 13 лет я открыл дверь в комнату Кейтлин, а потом последовало еще несколько воспоминаний, когда я смотрел фотографии из дома Хьюза, а также фотографии из нашего дома в Калифорнии.

– Позвольте задать вам еще один вопрос…

Майкл кивнул.

– Что вас привело ко мне?

У Майкла Морсона был ответ на это вопрос еще час назад по пути в кабинет Ирэны. Он хотел, чтобы ему помогли пережить то, что случилось. Но теперь уже не понимал не только того, что случилось, но и того, что вообще происходит в его жизни. С утра он выстроил временный карточный домик своих воспоминаний, а теперь осознал, что дыр в воспоминаниях слишком много и нет никакой возможности укрыться в этом домике. Так и не найдя ответа на вопрос, заданный Ирэной, он просто пожал плечами.

– Майкл, послушайте! Ваша проблема воспоминаний гораздо глубже, чем вы её воспринимаете. Вы упускаете нечто важное, к тому же ваша память слишком избирательна. И я чувствую, что вам недостает множества деталей. Сзади вас висит фотография, когда вы вошли, то явно обратили на неё внимание. Вы можете сейчас назвать мне, что там изображено?

Майкл ответил очень быстро и уверенно:

– Конечно! Практически все фотографии в этом кабинете на морскую тематику, на каждой есть песок, море, камни и абсолютно все фотографии черно-белые в металлических рамках в стиле модерн.

– Всё так. Но на той фотографии, что сзади вас нет ни камней, ни моря, там следы на песке. И она не черно-белая, а цветная. Посмотрите на неё! Сочетание светло-серого и светло-лилового оставляет у вас ощущение того, что она ма-

ло чем отличается от остальных фотографий. Но она отличается и рамка у нее не металлическая, а деревянная. Так устроена память человека. Чаще всего мы группируем сходные объекты. Но если присмотреться к деталям, то может оказаться, что разница просто колоссальная. Это относится и к вашим воспоминаниям. Вы выхватили только то, что оставило в вас след. Но действительно ли то, что было в комнате Кейтлин и то, что случилось с Меделин, было выполнено со стопроцентной точностью в деталях? Возможно, в этом сейчас для вас кроется загадка. Именно поэтому вы еще до экспертизы не верили в то, что Билл Хьюз имеет к вам более близкое отношение, чем вы сами позволили ему приблизиться к себе. Вы подняли громадный пласт своих воспоминаний, но это далеко не всё.

Майкл задумчиво смотрел прямо перед собой.

– Скорее всего, вы действительно правы. После смерти моего деда, я осознал, что теперь уже никого не смогу потерять. И я считал, что осознание того, как умерла Кейтлин, поможет мне сохранить память о ней. После того, что стало с Хьюзами, всё вроде бы говорит о том, что мне есть, кого терять – себя. Но физического страха я не ощущаю.

– Физической смерти вы и не боитесь, ваш главный страх – потерять своё сознание. Именно поэтому вы так и не смогли пустить туда Билла Хьюза.

***

Через три дня Майкл встречался в своем кабинете с адвокатом его деда – Кевином Хартом. Кевину было 63 года, из которых 38 лет он проработал на Фрэнка Морсона. Он обладал поистине бесценными знаниями обо всем, что происходило в корпорации Morson Global и после смерти её основателя стал для Майкла одним из немногих источников достоверной информации о реальном положении дел.

Фрэнк Морсон от природы обладал интуицией и тонким чутьём, и одновременно был очень подозрительным. Как любой успешный бизнесмен он мало кому верил как в деловой сфере, так и в жизни. Адвокат потратил много лет, чтобы завоевать его доверие. Однако ему так и не удалось до конца преодолеть подозрительность Фрэнка. Спустя несколько десятков лет они вышли тот уровень, когда отношения балансируют между деловыми и дружескими, но дистанция попрежнему сохранялась. При этом каждый из них это чувствовал, но с течением времени стало понятно, что так отношения поддерживать куда проще.

С Майклом его отношения первое время складывались по такому же сценарию. С годами Майкл повзрослел, приобрел жизненный опыт и мудрость, научился распознавать и ценить преданность, так что теперь Кевин Харт был, пожалуй, единственным человеком, кому он мог доверять.

В отличие от Фрэнка, Кевин был давно и счастливо женат. Его супруга Хелен выросла в большой семье, он же наоборот был единственным ребенком. Когда они поженились, то

мечтали, что у них будет не меньше троих детей. Эта мечта осуществилась. Их семья состояла из шести детей, их жен и мужей, восьми внуков и множества других родственников. И всех их связывали по-настоящему теплые чувства. Кроме семьи, Кевин любил еще и свою работу, часто проводил в офисе пятьдесят часов в неделю, супруга понимала его без слов и посвятила себя созданию уюта в доме и воспитанию детей. За всё время, что Майкл знал Кевина, он никогда не видел его уставшим или недовольным. Наоборот, адвокат всегда был собран, выглядел ухоженно, в одежде отдавал предпочтение костюмам серых и темно-синих тонов и подобранным в тон дорогим галстукам и рубашкам. На вопросы о семье, как правило, отвечал кратко, но его улыбка становилась мягче и морщины на лице, казалось, исчезали, как только он вспоминал о жене, детях и внуках.

Когда Кевин вошел в кабинет, Майкл вышел из-за стола, поприветствовал своего посетителя и предложил тому присесть. Сам же встал у окна и начал разговор.

– Кевин, у меня к вам есть несколько вопросов касательно моего деда. Я знаю, вы не были особо близки, но как так получилось, что он доверял Кейтлин Фейрвик настолько, что настоял на моем усыновлении?

Адвокат положил руки на стол и слегка подался вперед.

– Майкл, я не хочу тебя расстраивать, но в тот момент вряд ли Фрэнком двигали родственные чувства к тебе. И хотя он никогда не был со мной откровенным, все знали, что

больше всех он любил твою бабушку – Элизабет. Она умерла при родах Лоры. После её смерти он, казалось, разочаровался во всех людях. Долгое время дочь была для него единственным смыслом жизни. Но когда стало понятно, что Лору мало заботят чувства людей, главное чтобы она была центром Вселенной, Фрэнк потерял к ней интерес.

Мы как-то летели с ним из Мексики, он смотрел в окно и вдруг спросил меня, люблю ли я своих детей. Я ответил, что очень люблю их, но я счастливый человек, поскольку и свою работу люблю не меньше. Тогда он пристально посмотрел на меня и сказал: «Раньше я считал, что работа важнее, чем дети. У меня появилась возможность сравнить, и оказалось, что я был прав. Теперь я хочу одного – разрушить то, ради чего я работал всю жизнь до того, как у меня появятся еще и эгоистичные внуки, готовые пить мою кровь, лишь бы добраться до денег!»

С тех пор он больше не был со мной настолько откровенен. И не смотря на его слова о разрушении, Morson Global, напротив, становилась всё могущественнее.

– А почему после смерти деда не объявилось ни одного родственника? Неужели никого больше не было?

– Думаю, ты немного знаешь историю своей семьи. Твой предок Альфред был единственным сыном в семье Морсонов. И никаких родственников в вашей семье не было еще тогда. После того, как его родители скоропостижно скончались, он женился на Алисандре Хорхе Маринаре. У них

также был только один сын Джеймс. Он женился на девушке по имени Эмилия, которую воспитывала только бабушка и после её смерти Эмилия унаследовала дом и вполне приличный счет в банке. У Эмилии и Джеймса родился твой дед, и когда ему было три года они втроем поехали в Сантьяго, где были похищены и убиты, а их трехлетний сын пропали без вести.

Альфред Морсон пытался искать своего внука и несколько лет они с Алисандрой ездили в Сантьяго с этой целью. После этого здоровье Альфреда сильно пошатнулось, и он умер, оставив все состояние семьи Морсонов своей супруге. Много лет она была безутешна, продолжала предпринимать попытки в поисках своего внука и посвятила себя тому, чтобы удержать на плаву компанию, которой владела семья её покойного мужа. У нее получалось достаточно хорошо, так как общее состояние семьи на тот момент оценивалось в пятнадцать миллионов долларов, из которых большую часть она предпочитала иметь в денежном эквиваленте, считая, что деньги нужно вкладывать только в то, что гарантированно принесет прибыль, либо же не вкладывать их вовсе.

Спустя пятнадцать лет после того, как Фрэнк Морсон пропал в Сантьяго, в 1958 году он вдруг появился в Америке. Радости его бабушки не было предела. Однако спустя три месяца после такого чудесного возвращения внука, она выбросилась из окна отеля в Лос-Анджелесе. Те, кто знал её близко, утверждали, что в последние годы она была не в себе

и считала, что в жизни нет никакого смысла, если всё, кого любишь, оставили тебя, а сил на то, чтобы полюбить кого-то еще уже не осталось.

Так что насколько я знаю, после смерти твоей прабабушки Алисандры Морсон, твой дед оставался единственным представителем этой семьи. Со стороны твоей бабушки Элизабет родственников тоже не было, так как она, как и многие другие, становившиеся частью семьи Морсон, была сиротой.

– А как в жизни Фрэнка появилась Кейтлин? Их связывало нечто большее, чем работа?

– Внешне их связь никак не проявлялась. Кейтлин появилась в офисе неожиданно. Однажды нас всех собрали в конференц-зале и представили её как личного помощника. Ни у кого не возникло желания спросить, кто она такая и чем именно будет заниматься. Когда Лора родила тебя, Фрэнк стал часто отправлять её в Калифорнию. Иногда она месяцами жила в доме с Лорой и присматривала за ней. На её плечи также легла забота о тебе. Когда Лора умерла, Фрэнк поручил мне подготовить документы на твоё усыновление. Нам пришлось использовать личные связи, чтобы комиссия по усыновлению вынесла нужное Фрэнку решение.

Майкл отошел от окна, вернулся в своё кресло и продолжил разговор:

– Когда я уже жил в Нью-Йорке, я спросил деда, почему меня усыновила Кейтлин, а не он взял опекунство надо мной. Он уклончиво ответил, что была необходимость обезопасить

меня. Правда, больше он ничего не рассказывал мне. И я до сих пор так и не знаю, от чего он хотел меня оградить.

– В тот год Morson Global переживала не лучшие времена. Фрэнк предпринимал очень опасные попытки получить контроль над несколькими новыми месторождениями нефти в Мексиканском заливе. Я отговаривал его. Вся нефтяная отрасль в стране была национализирована еще в 1938 году и полностью принадлежит крупнейшей государственной монополии. После дефолта в 82-м многие компании, принадлежавшие ранее самому государству, были приватизированы и иностранные компании смогли взять под контроль определенную долю экономики этой страны. Самым лакомым куском оказалась переработка нефти. У твоего деда был огромный опыт в этом вопросе и технические возможности, но необходимо было привлечь крупное финансирование.

Конечно, найти банк, готовый кредитовать подобный проект не составило труда. Однако учитывая недавний дефолт в Мексике, залог, так же как и процентные ставки оказались весьма высокими. Но самым высоким был уровень коррупции в стране. И на деле контроль над иностранными компаниями осуществляли коррумпированные местные власти. В конце концов, Фрэнк использовал все свои связи, чтобы решить эту проблему. Думаю, что именно от этого он и хотел тебя обезопасить.

Полиция тогда связывала смерть Лоры с бизнесом Фрэнка, тем не менее, никаких доказательств того, смерть Лоры

была насильственной, так и не было найдено. Твой дед заказал частное расследование, но его результатов я не знаю.

– Тогда почему на сегодняшний день Morson Global не принадлежит ни одного актива в Мексике?

– Со временем эти активы стали составлять более тридцати процентов стоимости всей компании. После убийства Кейтлин, все активы в Мексике были проданы практически за бесценок небольшой компании, за которой вероятнее всего стояли всё те же местные власти. Сделка была совершено буквально за неделю. На переговорах я не присутствовал и сомневаюсь, что они вообще были. Только после этого, я стал готовить документы о твоем опекунстве.

– Ты хочешь сказать, что прежде чем взять надо мной опекунство, Фрэнк начал разрушение своей империи?

– Думаю, что касается мексиканских активов, то это была вынужденная продажа.

– После смерти Фрэнка я приступил к управлению компанией и дела тогда шли не лучшим образом. Это был его осознанный шаг поставить Morson Global под удар, чтобы ничего не досталось его «эгоистичному внуку»?

– На первый взгляд, это не выглядело так. Просто из активов компании было продано несколько заводов. В основном, в Европе. Продажа всегда была с участием небольших локальных компаний. К примеру, завод по переработке отходов в Польше был продан некоему греческому бизнесмену, который до этого занимался исключительно гостинич-

ным бизнесом.

– Сколько активов тогда было распродано?

– В общей сложности – сорок процентов от стоимости компании. Но в тот момент наблюдался общий рост экономики, поэтому Morson Global устояла, лишь немного ослабив свои позиции и уступив более сильным игрокам. Но казалось, Фрэнка это мало волновало.

– А куда на самом деле летел Фрэнк?

– Это может показаться весьма странным, но в Мексику.

– И что он хотел продать в тот раз?

– Ты вероятно удивишься. Он собирался заключить несколько контрактов на покупку земли, строительство нефтеперерабатывающего завода и создание компании по разработке нефтяных месторождений. После его смерти вторая сторона отказалась не только подписывать документы, но и вести какие-либо дальнейшие переговоры. Я связал их отказ с тем фактом, что они посчитали тебя слишком молодым, а положение компании не вполне устойчивым для подобного проекта.

– Кто, в конечном счете, стал заниматься этими проектами?

– Такой информации нет. Но одно я могу сказать точно, страна до сих пор испытывает нехватку финансирования нефтяных месторождений, и тот проект мог оказаться для твоего деда самым успешным за всю его жизнь.

– Значит, смерть Фрэнка связана с многомиллионной пра-

вительственной сделкой. Кевин, я долгое время верил, что Фрэнка не было в этом самолете. И чем больше я узнаю о нём, тем больше склоняюсь к мысли, что в некоторых его поступках для меня нет логики. Однако его действия в бизнесе похожи на вывод активов. Да и его смерть выглядит неестественной. Словно он готовил для себя какой-то другой вариант.

– Не скрою, я по-прежнему думаю, что такой проницательный человек, как твой дед, никогда ничего не делал без четкой цели.

Майкл ничего не ответил. Он был согласен со своим адвокатом. Морсон-старший был слишком умен и хитер, для того, чтобы не довести до конца то, что задумал. Никакой туман и узкое ущелье не смогли бы остановить его. Майкл знал о нем достаточно много, и этого хватало для того, чтобы больше всего на свете бояться его воскрешения. Оставалось только надеяться, что оставаться в списке безвременно покинувших этот свет членов династии Морсон – это та цель, которую и преследовал Фрэнк.

Когда в 15 лет унаследовать Morson Global стало для Майкла смыслом жизни, он не думал, что для достижения этой цели ему понадобится всего три года. Сейчас, вроде бы ничего не угрожает ни ему, ни компании. И всё, чего Майкл хотел – хранить не только секреты своего деда, но и свои секреты в тайне ото всех. Только вот скелеты семьи Морсон с угрожающей настойчивостью покидали свои привычные ме-

ста в шкафу и ползли на свет. Майкл отдавал себе отчет в том, что, будучи застигнутым за попыткой перепрятать эти скелеты, он будет выглядеть не лучшим образом. Но самое удивительное для него было то, что старый пыльный шкаф покинули совсем не те тайны, которых он опасался.

И сейчас в его сознании прочно поселилась мысль – они с Фрэнком вели каждый свою игру. И если для Фрэнка игра пятнадцатилетнего подростка в прилежного внука могла не представлять особого интереса, то вот игра старшего Морсона восхищала Майкла уровнем комбинаций. Хотя он понимал, что был всего лишь ничего не значащей фигурой в этом хитросплетении тонко просчитанных ходов. То, что ему удалось унаследовать империю деда, могло оказаться лишь случайностью. И доведи Фрэнк всё до конца, всё, что имел бы сейчас Майкл – пособие от великодушного дедули, на которое он мог бы вести унылую жизнь клерка в пыльном офисе и жить в маленькой квартирке где-нибудь в Бруклине.

Если бы самолет не упал тогда в ущелье, кто знает, сколько бы еще молодой Морсон старался убедить своего деда, что достоин, хотя бы его мизинца. Впрочем, ему не пришлось долго играть роль заинтересованного бизнесом, а вовсе не состоянием. В конце концов, он получил и то и другое.

***

Спустя пару дней Майклу позвонил Скот Вингсток. Узнав, что детектив находится по делам в Нью-Йорке, Майкл

пригласил его в свой офис. Информация о событиях, связанных с его семьей, сейчас представляла для Майкла огромную ценность, а вот её сбор было очень сложно осуществлять. С одной стороны мешала скрытность Фрэнка Морсона, про которого даже знакомые с ним много лет люди знали очень мало. С другой – у полиции не было значительных продвижений в расследовании, способных пролить свет на все загадочные смерти как в семье Морсонов, так и вокруг неё. Майкл надеялся, что у детектива есть что-то новое.

Скот Вингсток не испытывал отрицательных чувств к успешным и богатым людям: ни завести, ни досады, ни злости. Он любил свою работу в те минуты, когда система правосудия не давала сбой и за очередным преступником захлопывалась железная дверь в камеру. Он искренне радовался тому, что правосудие хотя бы немного поможет облегчить боль тех людей, что столкнулись с обратной стороной человеческой сущности.

Молодой Морсон вызывал у него смешанные чувства. Этот человек потерял всю семью и каждый раз при загадочных обстоятельствах. При этом он остался в выигрыше после смерти своего деда. И не будь он таким молодым во время первых смертей в своей семье, то вероятнее всего стал бы первым подозреваемым. Тело же Фрэнка Морсона так и не найдено, так что даже при наличии сильных подозрений полиции нечего предъявить его внуку.

Впрочем, такие события в жизни как гибель всех членов

семьи, и каждый раз вроде бы просто неудачное стечение обстоятельств, не могут не вызывать вопросов. Две последние смерти Била и Меделин Хьюз – людей, не имеющих к семье Морсонов прямого отношения, выглядят и вовсе странно. У детектива, не привыкшего игнорировать даже минимальные совпадения при расследовании, для описания причин смертей в семье Морсонов нашлось только одно слово – игра. Кто-то плетет сеть вокруг молодого влиятельного бизнесмена. И чтобы полагать так, у него были все основания.

Майкл встретил детектива Вингстока у лифта и проводил в свой кабинет. Помещение было обставлено темной массивной мебелью, при этом за счет большой площади самого кабинета всё выглядело очень уместно. В середине стоял стол в форме буквы Т. Вокруг стола – удобные офисные кресла с высокими спинками. Никаких картин или портретов, не было и семейной фотографии на столе. Главным украшением могла считаться карта мира во всю стену, выполненная на тонкой коже путем теснения в стиле старинных пиратских потертых карт сокровищ с рваными и местами обгоревшими краями.

Вингсток также отметил большое количество книг в кабинете. В книжных шкафах стояло несколько тысяч изданий. Обложки были разными, от классических с вензелями, достойных стать украшением любой семейной библиотеки, собираемой веками, до современных, приобрести которые можно в первом попавшемся книжном магазине. Кро-

ме шкафов, книги лежали по всему кабинету: на столе, журнальном столике, в зоне отдыха на широком подлокотнике кресла. Ассортимент тоже поражал свои разбросом: классические произведения, бизнес-издания, беллетристика и множество уважаемых журналов, таких как Форбс, Эсквайр и Нью-Йоркер.

Хозяин кабинета перехватил взгляд своего посетителя, блуждающий по кабинету и пояснил:

– У меня не было возможности ходить в библиотеку, как обычному студенту. После гибели моего деда, я одновременно работал и учился в этом кабинете. С тех пор осталась привычка оставлять книги там, где последний раз их читал.

Вингсток понимающе кивнул. Майкл предложил ему присесть. Его гость выбрал одно из кресел, а сам он занял место напротив и задал интересующий его вопрос:

– Детектив, как продвигается расследование?

– Как я и говорил вам, Билл Хьюз был убит. Свою жену он не убивал. Он был левшой, а убийца его жены – правша. Мы изучили аналогичные дела в Калифорнии. Убийства совершены с особой тщательностью и не обнаружено ни одной улики, способной связать предполагаемого убийцу с жертвами. Что касается Меделин Хьюз, то срезы в районе кистей и шеи были выполнены отличным от других убийств орудием. Если ранее использовался обычный тесак и раны были не рваные, то в этот раз – садовая пила. К тому же во всех случаях смерть наступила от асфиксии. Прежде чем обезгла-

вить и подвесить жертву, её сначала задушили.

У нас есть предположения о том, что раньше во время убийства присутствовали два человека. В момент убийства Меделин, вероятнее всего в качестве помощника убийца использовал её мужа.

– Значит, кто-то просто хотел, чтобы эти убийства выглядели одинаково?

– Есть основания так полагать. Но пока нам не удалось обнаружить ни одной улики: ни отпечатков пальцев, ни волос, ни окурков, ровным счетом ничего.

– Но убийца как-то должен был попасть в дом? Какое-то средство передвижения?

– Мы просмотрели записи камер в том районе. Ничего! Никаких подозрительных фургонов, никто не останавливался рядом с домом, ни представителей кабельного телевидения или интернет компаний, вообще ничего.

– А соседи? Неужели не было криков, и никто не слышал звуки выстрелов?

– Мы опросили всех в округе. И хотя убийство произошло ночью, никто ничего не видел и не слышал.

– А система охраны самого дома? Неужели в доме не было камер или датчиков движения? Мы ведь живем в современном мире. К тому же кто-то должен был ухаживать за домом и садом.

– Абсолютно ничего. Система охраны и сигнализации не были подключены из-за проблем, возникших с компанией,

которая занималась установкой. Мы пробовали связаться с ними, но кроме автоответчика в этой фирме никто не работает. Что же касается прислуги, то последнего садовника хозяйка дома уволила еще три месяца назад, а нового даже не пыталась нанять. Соседи утверждают, что в последнее время Меделин часто проводила время в саду, уделяя большое внимание кустам роз, высаженных вдоль дорожки к дому. И поскольку она не работала, то видимо за домом ухаживала также сама.

– А кто обнаружил тела?

– Посыльный утром доставил пакет. Входная дверь была приоткрыта. Он увидел кровь и вызвал полицию.

Майкл выжидающе приподнял бровь, и Вингсток ответил на этот немой вопрос:

– Его мы проверили в первую очередь.

– А как убийца покинул дом? Он же должен был быть весь в крови?

– Этот вопрос волнует и меня. И мне казалось, что получив на него ответ, мы сдвинемся хотя бы с мертвой точки. В паре десятков метров от дома Хьюзов находится вход в парк, поэтому наиболее правдоподобной кажется версия о том, что убийца положил всю одежду и пистолет в рюкзак, вышел через заднюю дверь и прошел через парк. Возможно, также он и вошел в дом. В парке много бегунов и велосипедистов. Мало кто посчитает подозрительным физически развитого мужчину в шлеме и велосипедных очках. Вы же зна-

ете, сейчас все помешались на спорте.

Майкл кивнул и продолжил разговор:

– У меня остается еще один вопрос – лестница, ковёр и цветы. Они присутствуют только в убийстве Меделин и Кейтлин, или и в двух убийствах девушек, похожих на мою мать?

Вингсток улыбнулся:

– Вы задаете вопросы как профессионал. Всё это есть только в последних двух случаях. Эксперты считают, что это не маньяк. Это убийства, совершенные либо подражателем, либо же человеком, который хотел вам что-то показать. Возможно, убийства совершенные в год смерти вашей матери стали пробным шаром. Они были нужны для того, чтобы осуществить убийство Кейтлин и Меделин. Эти два убийства были продуманы до мельчайших деталей. И они явно имеют к вам отношение. Возможно, какие-то их части – послание вам. Есть также еще одна странность.

– Какая?

– При осмотре тел четы Хьюз, были обнаружены шрамы от пластических операций. Операции были сделаны около восьми лет назад. А чета Хьюзов семь лет назад вернулась в Америку из Восточной Европы.

– И до операции никто из них не был похож на Кейтлин Фейрвик и Фрэнка Морсона?

– Абсолютно точно. Всё сводится к тому, что это попытка воздействия на вас. Но пока не просматривается ни одного

логического мотива.

– А если отойти от логики?

– В моей практике всегда была какая-то логика: деньги, власть, наркотики. Если убийца маньяк, то причины тоже существуют. Они другие, но они всегда есть. В данном же случае, первые убийства, вообще ничего не могло бы связать с вами, если бы не похожесть жертв на Лору Морсон. Смерть Кейтлин могла быть способом напугать вашего деда. Но теперь нет и его. К тому же между убийствами Кейтлин и Меделин слишком большой срок.

– Я не знаю, чем могу помочь расследованию, потому как совершенно не понимаю причин всего произошедшего. Ни вокруг меня, ни в моем бизнесе не происходит сейчас ничего такого, чтобы кто-то хотел таким способом на меня повлиять.

– В любом случае, мистер Морсон, я считаю, что вам стоит быть осторожным. Если это не маньяк, то чертовски умный социопат, и предсказать его поведения, также как и определить мотивы сейчас практически невозможно. Если Фрэнк Морсон был убит, Билл Хьюз, похожий на него – тоже, то, как знать, не будете ли вы следующим.

– Спасибо за предупреждение. Но я по-прежнему не верю в то, что если эти убийства связаны в одно целое, то всё это лишь для того, чтобы я был следующим.

Скот Вингсток пожал плечами и, попрощавшись с Майклом, вышел из его кабинета. В глубине души он был согла-

сен с Майклом Морсоном, вряд вся эта череда убийств была совершена лишь с тем, чтобы Майкл стал следующим. Как правило, убийца оставляет более явные послания для предполагаемой последней жертвы. Здесь же вероятность того, что молодой Морсон узнает об убийствах двух девушек, похожих на Лору Морсон, которых убили, когда ему было пять лет, была не велика.

Во всей этой истории было слишком много вопросов, часть ответов на которые мог бы дать и сам Майкл. Но он либо слишком хороший лжец, либо искренне не понимает смысла тех косвенных посланий, что оставил ему убийца Кейтлин и Меделин, в виде лестницы в дом, высаженных вдоль дорожки белых роз, пропитанного кровью ковра и положения тела обеих жертв. И детектив склонялся к предположению, что это игра, которая ведется вокруг миллионера. Но он не стал делиться этой догадкой с Морсоном. Его интуиция подсказывала ему, что Майкл в этой игре вовсе не пешка. Но, как и в случае, гибели Фрэнка Морсона не было никакой возможности уличить в чем-либо его наследника. Хотя Вингсток признавал и другую свою версию – Майкл Морсон слишком многих потерял в своей жизни и на подсознательном уровне не готов поверить в то, что всё это было не случайно. Так, терзаемый двойственными чувствами, Вингсток вернулся в Нью-Джерси.

Глава 3

Июль, 2006. Нью-Йорк

Майкл сидел в кабинете Ирэны Давидовской и рассказывал о своём недавнем разговоре с детективом. Она внимательно его слушала, изредка кивая головой. Во время разговора она делала какие-то пометки в своём блокноте. Сегодня Майкл попросил её выстроить логическую картинку всех событий на основании его догадок. Это не была её задача, как психоаналитика, это была задача для ума.

После того, как её пациент закончил рассказ, она начала говорить:

– На мой взгляд, картина такая: двадцать три года назад твоя мать Лора Морсон умирает от передозировки, в этот же год происходит два убийства с обезглавливанием, пусканием крови и отрезанием кистей рук. И жертвы этих убийств похожи на Лору. Затем спустя восемь лет убивают Кейтлин. Еще через пять лет погибает твой дед. И, наконец, спустя пятнадцать лет таким же способом, что и Кейтлин, была убита Меделин Хьюз, а Билл Хьюз застрелен.

Если предположить, что за всем этим стоит один и тот же человек, то ему должно быть около пятидесяти лет. Исходя из деталей всех этих убийств, можно сделать вывод, что он не всегда был исполнителем или не был им вовсе. Тем не

менее, то, как висит тело и как расположены голова и кисти рук у зеркала, для него очень важно. Это его почерк и послание. На мой взгляд, абсолютно ясно, что послание адресовано именно тебе. И только ты можете знать истинный смысл того, что убийца пытается сказать.

– Я думал об этом, пытался разгадать все эти знаки, рисовал в своем воображении разные картины, но так и не смог понять, что это за послание. Для меня лично логики в этом нет, это скорее могло иметь значение для моего деда. Убивать девушек, похожих на мою мать имело бы значение только в том случае, если бы она была важна для Фрэнка. Но все знали, что она наркоманка и он не проявлял к ней особой любви. Хотя…, – Майкл прервался, и выражение его лица изменилось. Казалось, его осенила какая-то идея, и он продолжил – после смерти Лоры он не захотел брать опекунство надо мной и как потом объяснил, сделал это, чтобы обезопасить меня.

Ирэна тоже задумалась на минуту и подтвердила догадку Майкла:

– Если рассматривать это как признак того, что он знал об этих убийствах и опасался за твою жизнь, то не исключено, что Лора тоже должна была стать жертвой, но убийца просто не успел.

Майкл оживился еще больше:

– Адвокат моего деда – Кевин Харт в одном из наших разговоров сказал, что Фрэнк не исключал возможности на-

сильственной смерти моей матери и заказал частное расследование, но никто не знает его результатов. Что если он все-таки знал об этих девушках? К тому же он провел свою юность в Мексике, а полиция связывает и подвешивание за ноги, и раскладывание частей тела перед зеркалом с одним из направлений мексиканского культа смерти. И сейчас это наводит меня на мысль о том, что послание первоначально было адресовано моему деду.

– В этом становится еще больше смысла, если связать эти смерти со смертью Кейтлин. И основная цель этого неизвестного никому убийцы – убрать всех женщин из жизни Фрэнка Морсона. Если бы не сила, которая нужна для таких действий, как подвешивание тела за ноги и отделение частей тела, я бы сказала, что всё указывает на женщину. Однако же убийц может быть и несколько. И эти кисти рук и голова не дают мне покоя. Это больше чем просто знак. Это должно быть что-то, что связывает убийцу или убийц с твоим дедом.

Мысли Майкла словно прорвало, и в его сознании стала вырисовываться картина того, что возможно было долгое время скрыто от его понимания, но ему нужно было найти ответы на еще очень большое количество вопросов. Но как можно было искать ответы на вопросы, основанные на догадках. Сейчас всё строилось на предположении, что Морсон-старший действительно знал больше, чем могло показаться на первый взгляд. Только вот подтверждений этому уже не получить. И если вся эта сеть плелась вокруг его по-

гибшего родственника еще более двадцати лет назад, то значит ли это, что смерть его деда была не случайной? И значит ли это, что ему тоже предстоит умереть? Он продолжил делиться своими мыслями с Ирэной:

– У меня складывается ощущение, что кто-то очень терпеливый ведет одному ему известную игру вокруг нашей семьи. И этот кто-то знает о нас то, чего не знает никто. Никто не мог знать того, как умерла Кейтлин, кроме ее убийцы. А вот узнать о том, что я старательно стремлюсь вспомнить день ее смерти, можно было от любого из моих психоаналитиков. Если конечно допустить, что профессиональная этика для них всего лишь пара ничего не значащих слов.

– Давай не будем исключать и такую возможность. Но ты никогда не был так близок к прорыву, как с Биллом Хьюзом. И, если честно Майкл, тот факт, что мы не знаем кто такой Билл Хьюз на самом деле и почему он так похож на твоего деда, а его жена – на Кейтлин, наводит меня на мысль о том, что ты слишком долго игнорировал знаки, которые явно тебе оставлялись.

– Но я никак не могу понять, что это могли быть за знаки и чего может хотеть этот таинственный убийца.

– В большинстве случаев такие убийцы хотят обратить на себя внимание. И если они не получают его, то могут дать больше подсказок или же разозлиться на того, кого они выбрали в качестве объекта.

– Если расценивать смерть Меделин как попытку напом-

нить мне о смерти Кейтлин, то какой тут может быть мотив. Кто может стоять за всем этим?

– Майкл, а ты уверен, что в твоей жизни периодически не возникал кто-то, кто может иметь непосредственное отношение к тебе, но ты об этом не знаешь? Может какие-то повторяющиеся события или детали?

Майкл Морсон задумался:

– Сейчас я уже ни в чём не уверен, но мне сложно вспомнить что-то необычное. Мне кажется, я слишком сильно был поглощен своими переживаниями всё это время. И я не представляю, как теперь вернуться к тем событиям, что происходили вокруг меня изо дня в день.

– День за днём ты, конечно, не сможешь пролистать свои воспоминания, но можно попробовать вытащить из памяти определенные дни. И когда к событиям начнут дорисовываться детали, вполне вероятно, что-то начнет повторяться из раза в раз.

– Да, но вы сами говорили, что моя память группирует сходные моменты и не придает им значения.

– Майкл, давайте пойдем другой дорогой. Можно попробовать арт-терапию. Ты начнешь рисовать картины того, что волнует или, что тоже важно, успокаивает тебя в твоем прошлом.

– И как это может помочь?

– Если связь между твоим настоящим и прошлым существует, рано или поздно ты её обнаружишь в тех картинах,

которые не только воссоздашь, но и запечатлеешь на бумаге.

– Но я не умею рисовать.

– Ну, это не так и сложно. Возьмёшь пару уроков, поймёшь основы, и этого вполне хватит. Для наших целей подойдут и карандашные эскизы. Но кроме этого, я бы хотела дать тебе совет. Удели больше внимания своей безопасности. Тот, кто стоит за всем этим, явно очень терпелив и имеет отношение к твоей семье уже давно.

Майкл хоть и прислушивался к мнению своего очередного психоаналитика, но всё же считал, что ему не стоит опасаться того, что могло ждать его впереди. И у него были свои основания так полагать. А для того, чтобы найти подтверждение этому, нужно полностью погрузиться в анализ своего прошлого.

***

С этого дня Майкл Морсон начал рисовать своё прошлое. Оказалось, что когда он вспоминал что-то из детства и юности, это действительно было похоже на вспышку, но он фиксировал только людей. После того, как он неумело зарисовывал фигуры, стало понятно, что на бумагу просится мебель, предметы интерьера, иногда не в силах изобразить свои чувства, он просто дописывал что-то в углу листа. Его рисунки были плоскими и чаще напоминали схему, кто и где стоял или сидел. Иногда он просто рисовал стол, а потом словами дописывал, что на нём стояло или лежало.

Одна из его приятельниц, владела коллекцией живописи, и он попросил найти ему учителя, среди знакомых художников. Однако, узнав, что его цель – основы рисунка, она посоветовала поискать себе учителя среди уличных художников или брать уроки в общественном центре. Майкл согласился с тем, что если учиться у серьезного художника, то постигать науку живописи нужно методично и целенаправленно, а он совсем не стремился к этому.

Найти среди уличных художников учителя не составило труда. Им стал художник-портретист Саймон, с которым он познакомился в Центральном парке. Ему было чуть больше сорока. Он был из той породы людей, которые довольствуются тем, что имеют и не стремятся бежать в одну сторону со всеми, только потому, что там, куда все бегут, живётся лучше. Саймон перебивался случайными заработками, писал портреты на улице, и предложение Майкла было как нельзя кстати. Он не загружал его теорией, а просто показывал на примере, как ложится тень, куда подает свет и как предать объем фигурам и предметам. Когда Майкл освоил технику пейзажа, его учитель показал, как рисовать лица. Майклу понравилось брать уроки рисования и уже через пару недель его рисунки приобрели совсем другую фактуру. Он научился прорисовывать лица и фигуры, а предметы стали выглядеть объемнее.

Очень часто он рисовал сидя в парке. Несмотря на многолюдность, Центральный парк на Манхеттене привлекал

Майкла еще с тех времен, когда он поступил в Калифорнийский Университет, и одновременно учился управлять компанией. Парк стал для него местом, куда можно придти, чтобы почувствовать себя жителем гудящего мегаполиса, у которого выдались полчаса на отдых.

После солнечной Калифорнии, где его жизнь была весьма размеренной, темп жизни в Нью-Йорке его одинаково восхищал и пугал. Движение в этом городе не останавливалось ни на секунду. Кто шел, кто-то ехал на роликах, кто-то говорил по телефону и жестикулировал руками, кто-то ел, кто-то бежал с только что выхваченной сумочкой. Люди стояли в многочасовых пробках, но при этом всё равно двигались: вытягивали шею, чтобы посмотреть, что там впереди, крутили головой по сторонам, что-то искали в карманах, ругались с теми, кто сидел в соседних машинах, в бессилии откидывались на сиденье или выскакивали из такси и неслись к ближайшей станции подземки. Все и всё было в движении.

Так было и в его жизни с Лорой. В их доме всегда что-то происходило. Одни люди сменялись другими. Кто-то танцевал, кто-то пил, кто-то нюхал кокаин, кто-то спал, развалившись прямо посреди гостиной или под лестницей. Тогда Майкл нашел для себя место на чердаке. Туда никто не поднимался, и он мог посидеть там и поиграть. Об этом укромном месте знала только Кейтлин, и если он засыпал там, поднималась к нёму, относила его в постель, укрывала одеялом, гладила по голове и тихонько выходила из комнаты. В Нью-

Йорке таким чердаком для него стал Центральный парк.

Окружающие звуки и люди в движении позволяли ему настроиться на воспоминания двадцатитрехлетней давности. Иногда ему казалось, что он снова пятилетним мальчиком просыпается от того, что дом полон разговоров, смеха, звуков шагов и шума, вечно работающего на первом этаже телевизора или громкой музыки. Начав рисовать, Майкл и не подозревал, сколько он на самом деле помнит о прошлом.

Это настолько захватило его, что он перестал замечать время и людей вокруг. Дни, проводимые в парке, летели незаметно, и в один из таких дней парке он поймал на себе заинтересованный взгляд девушки, сидящей на соседней скамейке. Майкл, привык к вниманию женщин, воспринимая любые знаки внимания с их стороны спокойно, а чаще весьма прохладно. Он был богат, занимал высокое положение, в нем чувствовалась уверенность в себе и, к тому же, он вполне мог поразить разносторонностью своих интересов, так что не удивительно, что женщины стремились чаще попадать в его поле зрения. Впрочем, с таким состоянием, он мог быть даже вполне заурядным, и это бы никак не остановило большинство из них.

Девушка, рассматривающая его, сильно отличалась от представительниц слабого пола, которых он видел вокруг себя. Она не выглядела холеной, вряд ли она регулярно посещала салоны красоты и спа-центры. В её внешности было всё просто и естественно. Одета она была в черные узкие брю-

ки, мокасины и свободную майку, спущенную на одно плечо. Как любой обитатель Манхеттена, Майкл умел оценивать людей по внешности и одежде, и, исходя из стоимости и того, и другого, можно было сделать вывод о социальном положении человека. Даже бегуны в парке выглядели в соответствии со своим статусом в обществе. А эта девушка явно не была светской львицей и охотницей за богатеями с Пятой авеню или Уолл-стрит. Ничто не выдавало в её облике деловой женщины. Но также она не выглядела и как студентка или сотрудница многочисленных офисов Манхеттена. Она была будто бы вне всего этого.

Майкл поймал её взгляд, улыбнулся и произнес стандартное:

– Привет! Вы в порядке?

Она продолжила смотреть на него, хотя Майкл заметил, что вероятнее всего её интересует его альбом, в котором он рисовал. Улыбнувшись, она спросила:

– Вы рисуете комиксы?

Майкл не ожидал такого вопроса.

– Почему вы так решили?

– Я видела вас здесь уже несколько раз и подумала, что вы удираете из офиса, чтобы заниматься чем-то более интересным. Вы так увлеченно рисуете, вот я и подумала, что это комиксы. Ведь на обычного художника вы не похожи.

– Почему не похож?

Она рассмеялась:

– Вы в костюме и у вас нет мольберта и красок. А еще вам непременно подошел бы шарф.

Майкл улыбнулся и произнес:

– Я не ношу шарфы. У меня нет ни одного.

– Вот поэтому вы и не художник!

Прежде чем он успел ей ответить, она встала со своей скамейки, помахала ему рукой и быстрым шагом направилась в направлении пересечения Террас Драйв и Пятой Авеню. А он так и остался сидеть. Впервые в его жизни девушка не стала дожидаться продолжения знакомства и не показалась ему заинтересовавшейся им настолько, чтобы он успел её пригласить, выпить хотя бы кофе. Это слегка задело его самолюбие, но уже к вечеру он забыл об этой встрече.

Спустя неделю Майкл снова почувствовал на себе взгляд незнакомки из парка. Она разговаривал с какой-то семейной парой. Поймав его взгляд, она улыбнулась и кивнула ему в знак приветствия. В этот раз она выглядела совершенно не узнаваемо. На ней был темно-синий костюм для езды на мотоцикле, в руках она держала шлем. После того, как её разговор закончился, она снова покинула парк, просто помахав ему на прощанье.

Когда Майкл увидел её в третий раз, это было недалеко от пересечения Ист Драйв и Ист Восемьдесят Четвертой и Восемьдесят Пятой Стрит. Она стояла в тени деревьев возле мольберта и задумчиво смотрела в сторону Метрополитен-музея. Мимолетно взглянув на него, когда он прибли-

жался, она продолжала стоять, отрешенно рассматривая фасад Американского крыла. Майкл отметил, что ей удалось найти относительно тихое место в районе музея, где было не так много людей, как в районе входа. Ежедневно в этом районе скапливается огромное количество туристов и местных жителей, желающих не только посетить сам музей, но и просто погулять вокруг. Но незнакомка, казалось, полностью отключилась ото всех внешних звуков и была погружена в свои мысли.

Теперь он понимал, что её заинтересованность заключалась в его рисунках, а вовсе не в нём самом. Эта мысль даже обрадовала его. Возможно, впервые за последние годы ему стало по-настоящему интересно познакомиться с девушкой, которая или не собиралась, или не спешила начать на него охоту. Он подошел поближе и поздоровался, а затем спросил:

– А у вас есть шарф?

Она улыбнулась, затем наклонилась к своей сумке, что-то поискала и извлекла на свет два льняных шарфа. Один оливкового, другой темно-синего цвета. Выбрав для себя оливковый, она надела шарф на шею, а другой протянула Майклу со словами:

– Да, я же настоящий художник. А теперь и вы тоже.

Майкл взял шарф, который она протянула ему. Девушка слегка наклонила голову и, улыбаясь, предложила:

– Одевайте. Я выбирала под ваш офисный костюм. Но

имейте в виду, когда наступит осень, вам придется носить вязаный шарф и возможно даже берет – и снова рассмеялась.

Это был редкий случай, когда во время знакомства с девушкой, Майкл был очарован и заинтересован настолько, что ему хотелось просто стоять и разговаривать. Обычно, в его стандартный набор входило минимум разговоров, ресторан, секс и возможно последующие встречи, но не чаще двух-трех раз в неделю и не дольше трех месяцев.

Девушку звали Керия. Она оказалась художницей. Несколько месяцев назад она вернулась из Куала-Лумпура и сейчас готовилась к своей выставке. Её семье принадлежали несколько галерей искусств в Азии и пара финансовых компаний. Сама она мало интересовалась семейным бизнесом, связанным с финансами, предпочитая последнему искусство. Не смотря на то, что ее семья жила в Гонконге и свои многочисленные выставки в Сингапуре и Малайзии, она старалась как можно больше времени проводить в Нью-Йорке, где предпочитала писать свои работы. К тому же скоро ей предстояло защищать докторскую степень в области искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.